

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ
И ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ
РАССКАЗ,
НАПИСАННЫЙ
СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ РУССКОГО
ИЗДАНИЯ

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА

ЗА УОТТСОМ СТОИТ ОГРОМНАЯ ШКОЛА НЕ СТОЛЬКО НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
СКОЛЬКО ВООБЩЕ СТРОГОГО НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ...
ЭТО ПОЛНАЯ СВОБОДА ВООБРАЖЕНИЯ.

Дмитрий Быков

Ложная слепота

Питер Уоттс

Ложная слепота (сборник)

«Издательство АСТ»

2006, 2014, 2015

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Уоттс П.

Ложная слепота (сборник) / П. Уоттс — «Издательство АСТ»,
2006, 2014, 2015 — (Ложная слепота)

ISBN 978-5-17-091925-3

В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные разведывательные зонды пришельцев светящейся паутиной окутали Землю. Сгорев в атмосфере, они успели передать сигнал за пределы Солнечной системы. На установление контакта с внеземной цивилизацией направлен корабль «Тезей» с командой из лучших специалистов в своей области. Но, когда исследователи доберутся до цели, они поймут, что самые невероятные фантазии об инопланетном разуме меркнут по сравнению с реальностью, и на кон поставлена судьба Земли и всего человечества.

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-091925-3

© Уоттс П., 2006, 2014, 2015

© Издательство АСТ, 2006, 2014, 2015

Содержание

Пролог	6
Тезей	9
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Питер Уоттс

Ложная слепота

© BLINDSIGHT © 2006 by Peter Watts
THE COLONEL © 2014 by Peter Watts
INSECT GODS © 2015 by Peter Watts
© Даниэль Смушкович, перевод, 2015
© Николай Кудрявцев, перевод, 2015
© Вадим Марченков, иллюстрация, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Сильнее всего поражает меня в мире явственная необходимость
вообразать то, что в действительности уже существует.*

Филипп Гуревич¹

Ты сдохнешь попусту, как собака.
Эрнест Хемингуэй²

Посвящается Лизе

Если нам не больно – значит, мы умерли.

---

¹ *Филипп Гуревич* – американский писатель и журналист (р. 1961). Получил известность, написав документальную книгу о геноциде в Руанде «Имеем сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют» (здесь и до раздела «Сноски и примечания» примечания переводчика).

² Цитата из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935.

Пролог

Попробуй коснуться прошлого. Попробуй бороться с прошлым. Его нет. Оно – просто фантазия.

Тед Банди³

Все началось раньше. Не с шифровиков или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказала бы, что все началось со светлячков, но и это неправда: ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо. В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, братьев-изгоев, связывали похожие несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его – наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не стоит исправлять плоды трудов Его. Привести в норму могли нас обоих, но случилось это лишь со мной.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пата окружили шесть пацанов. Те, кому удалось прорваться в первый ряд, методично били его по голове; остальные в ожидании своей очереди обзывали «ублюдком» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он неуверенно, словно сомневаясь, поднимал руки, пытаясь заслониться ими от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, и ощущал его мысли яснее собственных: Паг боялся, что мучители могут подумать, будто он отбивается, усмотрят в этом акт сопротивления и возьмутся за него всерьез. Даже тогда – в нежном возрасте восьми лет, управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя. Вот только не понимал, что делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если лучший друг в беде, ему нужно помочь, так? Даже если все против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?), надо хотя бы позвать на помощь. За охранниками сбегать. Ну что-нибудь!

А я застыл на месте: мне не особо хотелось его выручать.

Нелепо... Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Из-за припадков дети меня боялись и держались на расстоянии. В минуты полного бессилия я страдал от открытого насилия меньше Роберта, но тоже натерпелся оскорблений, насмешек и подножек, которые ни с того ни с сего прерывали мой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства...

Прежде. Но эту часть меня хирург вырезал вместе с глючными цепями. Я все еще прорабатывал алгоритмы, чтобы вернуть ее, учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает и инстинктивно чувствует каждый ребенок. Может, следовало позволить процессу идти естественным путем и не мешать природе? С другой стороны, родители Пата не стали перечить естеству, и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро модифицированных «суперпацанов» бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я, скорее, наблюдал, чем думал; не столько делал выводы, сколько вспоминал. А мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников униженных и оскорб-

---

³ Тед (Теодор Роберт) Банди (1946–1989) – один из самых известных серийных убийц США. В 1970-х годах изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

ленных. Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух обидчиков Пата по затылкам, прежде чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум – и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку: лишь отметил, что стало одним противником меньше. Остальные, увидев кровь, перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне «хана», и, пятась за угол, крикнул: «Сранный зомбак!»

Только через тридцать лет я уловил в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались под моими ногами. Одного я пинал в лицо, пока он не перестал шевелиться; повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся – не глядя, не думая, – и Паг с визгом отскочил в сторону.

– Ой, – едва успев остановиться, произнес я. – Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

– Ой, блин, – пропыхтел Паг. Из его носа хлестала кровь, заливая рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк. – Блин-блин-блин...

Я сообразил, что сказать:

– Ты в порядке?

– Ой, блин, ты... то есть ты же не... – Он утер рот. На запястье осталась кровь. – Ой, ну все, нам конец.

– Они сами начали.

– Да, но ты... блин! Посмотри на них!

Тот, который стонал, пытался уползти на четвереньках. Я прикинул в уме, сколько времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. Может, убить прямо сейчас?

– Прежде ты таким не был, – прошептал Паг.

Он хотел сказать – до операции. Тогда я и почувствовал что-то внутри – слабое, едва уловимое, но живучее. Это была злость.

– Они же сами начали...

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

– Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что стою с поднятыми кулаками. Не помню, когда и как это сделал. Разжал руки, но не сразу: пришлось долго и старательно буравить их взглядом.

Булыжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

– Я хотел помочь.

До меня никак не доходило, почему Пату это непонятно.

– Ты... стал другим, – прошептал он с безопасного расстояния. – Ты больше не Сири.

– Сири – это я. А ты – дурак.

– Тебе мозги вырезали!

– Только половину. Из-за припа...

– Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Но ты остался в той, вырезанной половине. Типа, кусок тебя, что... – Он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, стоявшими за ними. – Короче, ты теперь совсем другой. Будто тебя папа с мамой зарезали и...

– Папа с мамой, – неожиданно просипел я, – спасли мне жизнь. Я бы помер.

– По мне, ты уже помер, – отрезал мой лучший и единственный друг. – Сири мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз. А ты какой-то левый пацан, который вырос на его месте. Ты не Сири! С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, мамаша выдернула сетевой шнур и вытащила сына из игрушки, которой тот был занят предыдущие

восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух? Или он так долго отстреливался в виртуальном пространстве от людей-стручков⁴, что те начали ему мерещиться в реале? Может быть...

Однако отместить его слова с ходу не получалось. Помню, Хелен мне втолковывала, как ей было трудно привыкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», – говорила она. И правда похоже. Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, а оставшаяся начинает пахать за себя и почившего товарища. Представьте, как должно переколоть несчастное одинокое полушарие, чтобы оно работало за двоих. Очевидно, мое справилось. Мозг – очень пластичный орган: поднатужился и приспособился. В смысле я приспособился. И все же... Прикиньте, сколько всего выдавилось, деформировалось и перепрофилировалось, когда перепланировка закончилась. Можно смело утверждать, что я стал другим человеком, по сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

Потом, разумеется, прибежали взрослые: раздали лекарства, вызвали «Скорую». Родители бесновались, обменивались дипломатическими залпами, но сложно вызвать сочувствие к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записали, как милая кроха с пятью друзьями пинала инвалида ногами. Моя мать воспользовалась поддержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца, который снова улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями – после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько узок круг общения для школьных изгоев, если те перестанут держаться друг друга.

Я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Вырос и приспособился. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Правда, без особой страсти. Как у всех, у меня появились друзья и враги. Я их выбирал, просеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пускай я вырос сухарем, но объективным сухарем, и за это должен благодарить Роберта Паглиньо. Меня сформировало его ключевое наблюдение, оно привело в синтеты, обрекло на губительную встречу с шифровиками и избавило от той судьбы, что постигла Землю. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчетливо я это понимаю теперь – слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и впервые с того дня вижу, что избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, ошибался он. Вероятно, я. Но отстраненность – постоянное чувство того, что ты чужой для представителей своего собственного вида, – не всегда плоха.

Она приходится как никогда кстати, если на голову сваливаются настоящие инопланетяне.

---

⁴ Здесь прямая отсылка к инопланетянам из романа «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея и его многочисленным экранизациям. Выражение «люди-стручки» (pod people) – прозвище, данное в романе и фильмах инопланетным двойникам, – стало частью американского сленга и в переносном смысле обозначает еще и малоэмоциональных, равнодушных людей.

Тезей

Кровь шумит.
Сюзанна Вега⁵

Представь себе, что ты – Сири Китон. Ты приходишь в себя от мук воскрешения, захлебываясь воздухом после побившей все рекорды стосорокадневной задержки дыхания. Чувствуешь, как загустевшая от добутамина и лейэнкефалина кровь проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками: расширяются кровеносные сосуды, плоть отделяется от плоти, и ребра оглушительно трещат с непривычки, разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности заостенели. Ты – палочник, застывший в противоестественном нетрунном окаменении.

Крикнуть бы, но не хватает воздуха.

«Вампиры такое испытывают постоянно», – вспоминаешь ты. Для них это норма, непроторимый подход к экономии ресурсов. Они могли бы научить твоё племя сдержанности, если бы на заре цивилизации их не сгубило нелепое отвращение к прямым углам. Может, ещё не поздно? В конце концов, вампиры вернулись, восстали из могил благодаря чудесам палеогенетического вуду: сшиты из спящих генов и окаменевшего костного мозга, выварены в крови социопатов и гениальных аутистов. Один из них командует твоим кораблём. Щепотка его ДНК вошла в твоё тело, чтобы и ты смог восстать из мертвых – здесь, на краю межзвездного пространства. Ещё никому не удалось забраться дальше орбиты Юпитера, не став капельку упырем.

Боль начинает отступать – чуть-чуть. Ты запускаешь имплантаты, запрашиваешь собственную биометрию: пройдет не одна минута, прежде чем тело начнет откликаться на моторные сигналы, и не один час, пока утихнет боль. Мучения – неизбежный побочный эффект. Так бывает, когда человеческий генокод соединяют с вампирскими подпрограммами. Ты как-то спрашивал про болеутоляющие, но любая синаптическая блокада «нарушает восстановление метаболизма». Прикуси пулю, солдат!

Пытаешься представить, не так ли чувствовала себя Челси перед смертью, но эта мысль вызывает боль иного рода. Ты подавляешь ее и следишь за тем, как жизнь проталкивается в самые дальние уголки тела. Страдаешь молча, сосредоточенно проверяя биометрические показатели.

А потом думаешь: «Это какая-то ошибка...» Ведь, если все правильно, тебя выбросило на другом краю Вселенной. Ты не в поясе Койпера, куда направлялся, а высоко над эклиптической и глубоко в облаке Оорта, царстве долгопериодических комет, раз в миллион лет осеняющих Солнце своими хвостами. Ты в межзвездном пространстве, а значит (вызываешь системные часы), твоя неслерть продлилась тысячу восемьсот суток.

Ты проспал лишних пять лет.

Крышка гроба соскальзывает в сторону. В зеркальной переборке отражается мумифицированное тело – высохший протоптер в ожидании дождей. На руках повисли пузыри с физраствором, как раздутые антипаразиты, пиявки наоборот. Ты вспоминаешь, как входили в тело иглы, прежде чем ты потерял сознание, когда вены еще не превратились в тонко и криво нарезанную бастурму.

Из камеры справа на свое отражение глядит Шпиндель. Его лицо такое же мертвенное и бескровное. Запавшие глаза перекачиваются в глазницах, пока он восстанавливает связь. В его

---

⁵ Цитата из одноименной песни (сингл 1992 года) Сюзанны Вега – американской певицы и автора песен.

распоряжении настолько обширный сенсорный интерфейс, что по сравнению с ним действия твоих стандартных имплантатов больше напоминают театр теней.

Краем глаза ты замечаешь неясные отражения чужих судорог, слышится чей-то кашель и треск костей.

– Чт... – Твой голос едва сильнее сиплого шепота. – Слч?..

Шпиндель шевелит челюстью. Явственно щелкают суставы.

– ...Нсс... поимли, – хрипит он.

Ты еще не встретил инопланетян, а они уже обвели тебя вокруг пальца.

* * *

Вот так мы и вылезли из гробов: пять трупов на полставки – голых, иссохших, едва способных шевелиться даже в невесомости. Мы поднимались из саркофагов точно бабочки, вырванные до срока из коконов и наполовину оставшиеся гусеницами: одинокие, затерявшиеся в пространстве, беспомощные. В таком состоянии с большим трудом вспоминаешь, что никто не стал бы рисковать нашими шкурами, если бы это не было так важно.

– С добрым утром, комиссар.

Исаак Шпиндель потянулся дрожащей, нечувствительной рукой к сенсорным перчаткам в основании своей капсулы. Сюзен Джеймс в следующем гробу разговаривала вполголоса сама с собой, свернувшись в эмбриональный клубок. Условная подвижность вернулась только к Аманде Бейтс: та уже оделась и под хруст суставов раз за разом выполняла набор изометрических упражнений. Время от времени она бросала в переборку резиновый мячик, но даже ей не удавалось поймать его на отскоке.

Годы пути свели нас к единому шаблону. Мясистые щеки и бедра Джеймс, высокий лоб и долговязая фигура Шпинделя, армированный карболатиновый дот, который считала своим телом Бейтс, – все усохло до стандартного набора обезвоженных жил и костей. Даже наши волосы за время перелета, казалось, странным образом выцвели, хотя я знал, что это невозможно. Скорее, просвечивала бледная кожа головы. До смерти у Джеймс они были русыми, у Шпинделя – настолько темными, что казались черными, а сейчас их черепа покрывали однообразные бурые водоросли. Бейтс голову брила, но и ее брови лишились памятного мне ржавого окраса.

Скоро мы придем в себя: «Просто добавь воды!» А пока старая злая шутка про живых мертвецов наполнялась новым смыслом: они действительно похожи друг на друга, если не знать, куда смотреть. Разумеется, если знать – забыть о внешности и следить за движениями, закрыть глаза на плоть и осмысливать топологию – перепутать их невозможно. Каждый мимический мускул служит датчиком, каждая пауза в беседе сообщит больше, чем слова обоих спорщиков. Я видел, как личности Джеймс рассыпаются и собираются вновь в мгновение ока. Уголки рта Шпинделя вопили о безмолвном недоверии к Аманде Бейтс. Каждое изменение фенотипа о многом говорило тому, кто знал язык тела.

– Где?.. – прохрипела Джеймс, закашлялась и махнула тощей рукой в сторону гроба Сарасты, зияющего распахнутой крышкой.

Губы Шпинделя искривились в слабой усмешке.

– К фабрикатору пошел? Может, приказал кораблю сделать себе земельки, а то ему спать негде?

– Вероятно, совещается с Капитаном.

Бейтс больше хрипела, чем говорила; ее гортань сухо шелестела, еще не осмыслив заново идею дыхания.

Снова Джеймс:

– Можно было и здесь.

– Здесь и отлить можно, – скрипнул Шпиндель. – Не все стоит делать на людях, а?

И не все стоит выносить на люди. Немногие исходники способны без трепета скрестить взгляды с вампиром – неизменно вежливый Сарасти именно по этой причине избегал смотреть собеседнику в лицо. Но в его топологии были и другие грани, общие для всех млекопитающих, а значит, прозрачные для синтета. Если он скрылся с глаз, то, возможно, что и с моих. Или хотел сохранить тайну.

В конце концов, «Тезей» свою хранил.

* * *

Корабль пролетел добрых пятнадцать а. е.⁶ по направлению к цели, прежде чем нечто его спугнуло. «Тезей» взбесившимся котом метнулся на север и начал долгий подъем. Вначале – бешеный отжиг с ускорением в три «же» по направлению к эклиптике, когда тринадцать сотен тонн инерциальной массы бунтовали против первого закона Ньютона. Корабль опустошил баки, истек субстратом, за несколько часов промотал стосорокадневный запас горючего. Потом – долгое падение через стылую бездну и годы бухгалтерского крохоборства, когда тягу с каждого потраченного антипротона приходилось сравнивать с затратами на его отсев из вакуума. Телепортация – не волшебство: луч «Икара» не мог переправить нам реальную антиматерию – лишь квантовые спецификации. Сырье «Тезею» приходилось добывать из пространства, ион за ионом. Долгие, бессветные месяцы корабль двигался по инерции, сохраняя в себе каждый проглоченный атом. Затем – кувырок; ионизирующие лазеры полосуют пространство впереди, тормозная воронка Буссарда⁷ широко раскинута. Вес триллиона триллионов протонов замедлил «Тезей», заполнил его чрево, а нас так и вовсе чуть не расплющил. С того момента корабль неустанно шел на двигателях почти до самого нашего воскрешения.

Восстановить ход событий было легко: курс открывался каждому через КонСенсус. А вот почему корабль шел таким странным маршрутом – это другое дело. В ходе послереанимационного совещания все обязательно выяснится. Мы – далеко не первая экспедиция, изменившая направление, повинувшись секретным приказам. И если бы нам требовалось знать, почему, мы бы уже об этом знали. Но все равно мне было очень интересно, кто же закодировал логи связи с Землей. Может, ЦУП? Или Сарасти. Сам «Тезей», если на то пошло. Легко забыть, что в сердце корабля прячется квантовый ИскИн: он благоразумно держался в тени, лелеял нас, нес и пронизывал все наше существование, как ненавязчивый Господь Бог. И, подобно Богу, никогда не отвечал на наши молитвы.

Официальным посредником между нами был Сарасти. Когда корабль подавал голос, он разговаривал с вампиром, а тот называл его Капитаном. Как и мы все.

* * *

Он дал нам четыре часа, чтобы прийти в себя. У меня ушло больше трех только на то, чтобы выбраться из склепа. К этому времени мозги уже размяли большую часть синапсов, хотя тело, все еще поглощавшее жидкость, точно пересохла губка, болело, не переставая. Я заменил опустевшие пакеты с физраствором на новые и двинулся на корму.

Пятнадцать минут до раскрутки, пятьдесят – до первого инструктажа после воскрешения. Тем, кто предпочитал спать в объятиях тяготения, как раз хватило времени, чтобы пере-

---

⁶ А. е. – астрономическая единица; мера расстояний, равная большой полуоси земной орбиты (приблизительно 149,6 млн км).

⁷ В 1960 году физик Роберт Бассард предложил концепцию ракетного двигателя, который работает на водороде и пыли, извлекаемых космическим кораблем, идущим на высокой скорости, из межзвездной среды. (Прим. ред.)

тащить личные вещи в вертушку и занять 4,4 квадратных метра, отведенных на одного члена экипажа.

Меня тяготение – или его центробежный эрзац – не привлекало. Я свое пристанище разбил в невесомости, как можно дальше к корме, у передней стенки челночного ангара по правому борту. Палатка гнойником вздулась на хребте «Тезея» – крошечный пузырек кондиционированного воздуха в темной пещере пустоты под панцирем корабля. Личных вещей у меня почти не было; чтобы наклепать их на стенку, ушло ровным счетом полминуты и столько же – на программирование климат-блока.

Затем я отправился на прогулку: после пяти лет анабиоза хотелось размяться.

Ближе всего находилась корма, и я начал оттуда – с экрана, защищавшего грузовой отсек от двигательного. Точно по центру кормовой переборки бугром торчал единственный задраенный люк. За ним, мимо устройств, которые не стоило трогать грубыми людскими руками, вился служебный тоннель. Там лежал жирный сверхпроводящий бублик Буссардова кольца; следом тянулись лепестки антенн, развернутые в нерушимый мыльный пузырь, способный накрыть целый город. Его центр был направлен к Солнцу, улавливая слабый квантовый блеск от потока антиматерии с «Икара». За ним – еще один радиационный щит и реактор теленигиляции, где из сырого водорода и рафинированной информации волшебным образом рождалось пламя в триста раз жарче солнечного. Я, конечно, знал заклинания – крекинг антивещества, деконструкция, телепортация квантовых чисел. Но для меня наш стремительный полет оставался волшебством. Для любого остался бы. Кроме, может быть, Сарасты.

Вокруг та же магия трудилась при менее высоких температурах и для целей не столь неуловимых. Переборку усеивало множество люков и дозаторов. В некоторые не пролез бы и мой кулак, в один-два меня удалось бы пропихнуть целиком. Фабрикаторы «Тезея» могли воспроизвести что угодно – от ложки до рубки управления. Если дать им достаточный запас сырой материи, они могли бы построить второй корабль, правда, по кусочкам и далеко не сразу. Кое-кто интересовался, не способны ли они и новый экипаж построить, хотя нас уверяли, что такое невозможно. Даже у машин-сборщиков не настолько ловкие пальцы, чтобы воспроизвести несколько триллионов синапсов человеческого мозга. Пока – не настолько.

Я в это верил. Нас не стали бы перевозить в собранном состоянии, если бы существовала менее дорогостоящая альтернатива.

Я обернулся. Прислонившись спиной к запертому люку, я просматривал «Тезей» насквозь, до самого носа. Все равно, что глядеть на огромную текстурированную черно-белую мишень: концентрические круги, люки в последовательно разделяющих внутренности корабля переборках, точно на одной линии, до крошечного «яблочка» в тридцати метрах впереди. Все распахнуто в равнодушном пренебрежении к правилам техники безопасности предыдущих поколений. Ради собственного спокойствия мы могли их закрыть, но эффект был бы сугубо психологическим: наши шансы на выживание это не повысило бы ни на гран. В случае аварии люки захлопнулись бы на несколько миллисекунд раньше, чем человеческий мозг осознал бы сигнал тревоги. Ими управлял даже не центральный компьютер, а безусловные рефлексy «Тезея».

Я оттолкнулся от кормовой переборки – поморщился от хруста и боли в отвыкших от движения сухожилиях – и поплыл вперед, оставив фаб за спиной. Проход стискивали шлюзовые камеры, ведущие к челнокам, «Сцилле» и «Харибде»; за ними хребет корабля расширился в телескопическую рифленую трубу диаметром в два метра и длиной около пятнадцати. Вдоль нее тянулись лестницы, одна напротив другой, а по сторонам пунктиром выпирали крышки люков. Большинство из них вели в пустой трюм, один-два были универсальными шлюзами на случай, если кому-то придет в голову прогуляться под панцирем. Один открывался в мою палатку, другой, в четырех метрах дальше к носу, – в палатку Бейтс. Из третьего, у самой носовой переборки, выползал Юкка Сарасты, похожий на тощего белого паука. Будь он человеком,

я бы мгновенно осознал, кто передо мной: от его топологии несло убийством. Но я не смог бы оценить число его жертв, ведь раскаяние в числе реакций этого существа отсутствовало. Убийство сотни людей оставило бы на его поведении не больше следа, чем раздавленный таракан; вина скатывалась с твари бусинками, как вода по воску. Только Сараста принадлежал к совершенно другой породе, не человеческой, и исходявшие от него смертоубийственные импульсы значили всего-навсего, что он – хищник. Он был прирожденным человекоубийцей: поддавался ли вампир когда-либо своей природной склонности, знал только он сам. А еще ЦУП.

«Может, тебе дадут поблажку, – промолчал я. – Может, это лишь цена сотрудничества. В конце концов, без тебя миссия не состоится. Почему мне знать, может, ты договорился. Ты ведь настолько умен, что понимаешь: мы не подняли бы тебя из мертвых, если бы ты не был нам так нужен. С той минуты, когда тебя вытащили из чана, ты знал, что сила на твоей стороне. Какой у тебя с ними договор, Юкка? Ты спасешь мир, а парни, держащие тебя на поводке, на какое-то время отвернутся?»

В детстве я читал, что хищники в джунглях «замораживают» жертву взглядом, но, только повстречав Сарасту, понял, каково это. Правда, сейчас он на меня не смотрел, а устанавливал свою палатку, и, даже если бы повернулся в мою сторону, я увидел бы лишь темные очки на пол-лица, которые Юкка носил из вежливости, чтобы не пугать хомосапиенсов. Я протиснулся мимо него. Вампир не обратил на это внимания.

Я был готов поклясться, что у него изо рта несет сырым мясом!

Дальше – вертушка (технически даже две, потому что обод медотсека вращался на собственных опорах). Я пролетел сквозь центр цилиндра диаметром в шестнадцать метров. Вдоль оси проходил спинной мозг «Тезея», а вдоль лестниц по сторонам выпирали трубопроводы и плексиглас. Чуть дальше, в закутках на противоположных сторонах мира бугрились палатки Шпинделя и Джеймса. Сам Исаак болтался в воздухе за моим плечом, голый, если не считать перчаток. По движениям его пальцев я мог прочесть, что любимый цвет биолога – зеленый. Он зацепился за одну из трех лестниц в никуда, расположенных по окружности вертушки: по крутым узким ступеням можно было подняться на пять метров от палубы – и там застрять.

Следующий люк зиял точно в центре передней стенки барабана; трубы и провода проходили через переборку. Я уцепился за подвернувшуюся скобу, чтобы сбросить скорость, – снова стиснул зубы от боли – и проплыл через него.

Т-образный перекресток. Главный коридор шел дальше, но от него отходил короткий дивертикул к ВКД-отсеку⁸ и переднему шлюзу. Я не свернул. Впереди сверкала гробница, зеркально-светлая, меньше двух метров в высоту. По левую руку зияли опустевшие саркофаги, по правую теснились занятые (мы были так незаменимы, что каждому полагалась записка). Дублеры безмятежно спали. С тремя я встречался на тренировках. Будем надеяться, что возобновить знакомство ни с кем не придется. Однако по правому борту – всего четыре капсулы. Сараста замены нет...

Еще один люк, совсем маленький. Я протиснулся на мостик. Сумрачно; беззвучно плывут иконки, мозаика индикаторов итеррует отражениями в темном стекле. Не столько рубка, сколько кокпит, и притом тесный. Я выполз между двумя противоперегрузочными ложами; перед каждым – подковообразный пульт. На самом деле никто не собирался ими пользоваться: «Тезей» превосходно управлял собой сам, а в нестандартной ситуации мы могли рулить кораблем через имплантаты; если не сработают они, то, скорее всего, мы сыграем в ящик. И все-таки, если другого варианта не останется, в случае астрономически малой вероятности неустрашаемые исследователи могут отсюда положить корабль на обратный курс, к дому.

Между приступками для ног инженеры втиснули последний люк и последний лаз – в смотровой блистер на носу «Тезея». Ссутулившись (суставы хрустели, жилы ныли), я протолк-

⁸ Отсеку с оборудованием для выхода в открытый космос и внекорабельной деятельности (ВКД). (Прим. ред.)

нулся... в темноту. Снаружи блистер плотно сжатыми веками накрывали щитки-раковины. Слева от люка на сенсорной панели слабо светилась единственная иконка; из корабельного хребта через люк тянулись тонкие лучики, бессильными пальцами оглаживая вогнутую стену и окрашивая ее несчетными оттенками серого и сизого, по мере того как мои глаза приспособлялись к мраку. На задней стенке от легких дуновений ветерка колыхались крепежные ремни. От застоявшегося воздуха во рту сразу появился привкус смазки и металла. Пряжки еле слышно побрякивали на сквозняке, будто маленькие китайские колокольчики.

Я протянул руку и коснулся хрустала: внутреннего слоя из двух. Между ними шел теплый воздух, отсекая стужу. Но не до конца, так что пальцы мгновенно застыли. Снаружи – космос.

Может, на пути к нашей первоначальной цели «Тезей» обнаружил что-то такое, от чего с перепугу ломанулся за пределы Солнечной системы. Но, скорее всего, корабль не бежал, а стремился к объекту, о котором не было известно, когда мы умерли и попали на небеса. А в таком случае...

Я потянулся назад и коснулся панели. Почти ожидал, что ничего не случится; закрыть окна «Тезея» на замок было так же просто, как убрать логи связи подальше от посторонних глаз. Но купол передо мной растворился сразу – вначале трещина, затем полумесяц, потом выпученный глаз, чьи радиозащитные веки втянулись в корпус. Мои пальцы рефлекторно вцепились в комок ремней. Бездна распростерлась во все стороны, безжалостная и голая. Было не на что опереться, кроме металлического диска меньше четырех метров в диаметре.

Звезды повсюду. Столько звезд, что, хоть убей, я не мог понять, как они умещаются на небе, когда оно остается таким черным. Звезды и... ничего больше.

«А чего ты ожидал? – укорил я себя. – Корабль чужаков справа по курсу?»

Почему бы нет? Ведь мы зачем-то сюда прилетели.

По крайней мере остальные члены экипажа. Они оставались критически важными для успеха миссии, где бы мы ни оказались. А вот синтез, как я теперь понял, находился в совсем ином положении. Моя полезность уменьшалась с расстоянием. Нас же занесло за половину светового года от дома.

* * *

Когда стемнеет, станут видны звезды.
*Ральф Уолдо Эмерсон*⁹

Где я был, когда на землю обрушились огни? Выходил из небесных врат, оплакивая отца, который, по его мнению, все еще был жив.

С тех пор как Хелен ушла под капюшон, минуло почти два месяца. Это по нашему счету два месяца. Она могла прожить день, а могла и лет десять: виртуальные боги, кроме всего прочего, настраивали часы субъективного времени. Возвращаться мать не собиралась. С мужем соизволяла встречаться только на условиях, равнозначных пощечине. Он не жаловался и навещал ее всякий раз, когда жена позволяла: дважды в неделю, потом раз в неделю, затем – раз в две недели. Их брак распадался с экспоненциальной обреченностью радиоактивного изотопа, и все же отец тянулся к Хелен и принимал ее условия.

В день, когда на Землю рухнули огни, я вместе с ним стоял у ложа матери. Случай особый – последний раз, когда мы могли увидеть ее во плоти. Два месяца ее тело, вместе с пятью сотнями других новопоступивших в приют, лежало в приемной, доступное для обозрения родственникам. Конечно, контакт оставался иллюзией, как и должен был: тело не могло с нами

---

⁹ *Ральф Уолдо Эмерсон* – американский поэт и эссеист (1803–1882). Источник цитаты неизвестен (также приписывается Чарльзу Берду).

общаться, но мы все еще на него смотрели: плоть была теплой, а простыни – чистыми и глаженными. Из-под капюшона выглядывала нижняя челюсть Хелен, глаза и уши закрывал шлем. К ней можно было прикоснуться. Отец часто так и делал. Возможно, некая частичка ее сознания это ощущала.

Тем не менее, в конце концов, кому-нибудь придется захлопнуть гроб и сплавить останки: потребуется место для новоприбывших. Мы пришли, чтобы провести с матерью последний день. Джим еще раз взял жену за руку. С ней по-прежнему можно будет общаться – в ее мире и на ее условиях, – но к вечеру остов упакуют в хранилище, слишком эффективно утрамбованное, чтобы принимать посетителей из плоти и крови. Нас уверяли, что тело останется в целости: тренировка мышц электростимуляцией, регулярное питание и обогрев. Оболочка будет готова вернуться к работе, если рай вдруг пострадает в неподдающейся воображению катастрофе. Все обратимо, объясняли нам. Но восходящих стало так много, а никакие катакомбы не могут расширяться до бесконечности. Ходили слухи о расчленениях и усечении несущественных частей согласно алгоритму оптимальной упаковки. Вероятно, к следующему году от Хелен останется один торс, а еще через год – лишь отрубленная голова. А может, ее тело срежут до самого мозга, прежде чем мы выйдем из здания, да так и оставят ждать последнего технологического прорыва, который возвестит начало Великой цифровой перезаписи.

Слухи! Лично я не встречал никого, кто вернулся бы после восхождения. Хотя кто захотел бы? Даже Люцифер покинул небеса, только когда его с них сбросили.

Папа, возможно, знал точно – он всегда был в курсе того, о чем большинству людей знать не положено, но никогда не болтал лишнего. Если отец и мог что-то рассказать, его откровенность, очевидно, не заставила бы Хелен передумать, а для Джима этого было достаточно.

Мы накинули капюшоны, служившие невключенным разовыми пропусками, и встретили маму в по-спартански обставленной гостиной, которую она придумала для наших встреч. Окон в ее мир не предусматривалось – ни намек на утопию, созданную ею для себя. Хелен даже не воспользовалась препрограммированными гостевыми средами с целью уменьшить неудобства гостей. Мы оказались в безликой бежевой сфере диаметром метров в пять. И никого, кроме нее. «Возможно, – подумал я, – в ее представлении такая обстановка не слишком отличается от утопии».

Отец улыбнулся.

– Хелен.

– Джим.

Она была на двадцать лет моложе оболочки, лежавшей на кровати, но от ее вида у меня все равно поползли мурашки по спине.

– Сири! И ты пришел!

Она всегда обращалась ко мне по имени. Не припомню, чтобы мать когда-нибудь называла меня сыном.

– Ты все так же счастлива здесь? – спросил отец.

– Невероятно. Как бы я хотела, чтобы ты присоединился к нам.

Джим улыбнулся.

– Кому-то надо поддерживать порядок.

– Ты же знаешь, мы не прощаемся, – возразила она. – Вы можете навещать меня, когда захотите.

– Только если ты сменишь обстановку.

Джим не просто шутил, а откровенно врал. Он пришел бы по зову Хелен, даже если бы идти пришлось босиком по битому стеклу.

– И Челси пусть приходит, – продолжала она. – Было бы здорово после стольких месяцев познакомиться с ней.

– Челси не придет, Хелен, – пробормотал я.

– Ну да. Я знаю, вы общаетесь. Понимаю, у вас были особые отношения, но то, что вы разошлись, не значит, что она не...

– Ты же знаешь, она...

Я замолчал на полуслове. В голове родилась неприятная мысль: может, я действительно им не сказал?

– Сынок, – вполголоса промолвил Джим, – может, оставишь нас на минутку?

Я бы с радостью оставил их на всю жизнь. Поэтому вернулся обратно в палату, глядя на труп матери и слепого, парализованного отца, слыша, как тот забивает информационный поток соответствующими случаям банальностями. Пусть играют, завершат свою так называемую связь, как сочтут нужным. Может, они хоть раз в жизни заставят себя быть честными друг с другом; хотя бы там, в ином мире, где все прочее – иллюзия. Может быть...

Смотреть на это мне в любом случае не хотелось. Но пришлось исполнить кое-какие формальности. Я последний раз сыграл роль в семейном спектакле и причастился привычной лжи. Мы пришли к согласию, что восход Хелен на Небеса по сути ничего не меняет, а потому никто не отклонялся от сценария и не пытался открыть другим правду. В конце концов, напомним себе сказать «до свиданья» вместо «прощай», мы распрощались с мамой. Я даже подавил рвотный рефлекс и обнял ее.

* * *

Когда мы вынырнули из темноты, в руке у Джима был ингалятор. Мы еще не миновали вестибюль, я вяло надеялся, что он сейчас швырнет пшикалку в мусорник, но отец поднес руку ко рту и вкатил себе дозу вазопрессина, чтобы избежать искушения.

Верность в баллончике!

– Он тебе больше не нужен, – сказал я.

– Пожалуй, – согласился отец.

– К тому же это все равно не сработает. Нельзя сконцентрироваться на том, кого нет рядом, сколько бы гормонов ты ни вынюхал. Просто...

Джим промолчал. Мы прошли мимо охранников, высматривавших реалистов-инфилтраторов.

– Ее больше нет, – выпалил я. – Ей все равно, даже если ты найдешь себе кого-то. Она даже будет счастлива.

Хелен сможет делать вид, что баланс восстановлен.

– Она моя жена, – ответил Джим.

– Эти слова потеряли смысл. Да и никогда его не имели.

Отец слабо улыбнулся.

– Мы говорим о моей жизни, сынок. Меня она устраивает.

– Папа...

– Я не виню ее, – проговорил он. – И ты не вини.

Ему легко говорить. Легко даже принять боль, которую она причиняла ему все эти годы. Жизнерадостная маска не заслоняла бесконечных желчных упреков, которые отец сносил сколько я себя помню. Думаешь, это легко, когда ты исчезаешь на целые месяцы? Легко гадать, с кем ты, где и жив ли вообще? Думаешь, легко растить одной такого ребенка?

Она винила отца во всем, а он безропотно сносил ее выходки, потому что понимал: все – ложь. Знал, что его отсутствие было лишь предлогом. Мать ушла не из-за его измены или постоянных отлучек, решение было вообще с ним не связано. Дело во мне: Хелен покинула мир, потому что больше не могла смотреть на существо, заменившее ее сына.

Я бы продолжил спор и попытался еще раз уговорить отца понять, но к этой секунде мы миновали врата Небес и вышли на улицы чистилища. А там прохожие, раскрыв рты, пялились

на небо и изумленно бормотали. Вслед за ними я тоже поднял глаза к полоске нагих сумерек между вершинами небоскребов – и подавился словами...

Звезды падали! Зодиак перекрыла ровная сетка пламенных точек с сияющими хвостами. Будто всю планету поймали в частую сеть, чьи узлы сверкали огнями святого Эльма. Это было прекрасно. И жутко.

Я отвел глаза, чтобы перенастроить зрение и дать обнаглевшей галлюцинации шанс вежливо согнуться, прежде чем переключу свой опытный взгляд на дальний свет. В ту минуту я заметил вампира, женщину: она шла среди нас, как архетипический волк в овечьей шкуре. На улицу их практически не выпускали, и до сих пор мне не приходилось сталкиваться с ними во плоти.

Вампирша вышла из здания напротив. Она была выше всех на голову, а ее желтые глаза, как у кошки, светились в сгущающихся сумерках. Я наблюдал, как она замечает – что-то не так. Оглянувшись, посмотрела в небо и двинулась своей дорогой, безразличная к суеде добычи вокруг, заворожившему земной скот небесному знамению. Безразличная к тому, что мир в эту самую минуту вывернуло наизнанку.

Было 10:35 по Гринвичу, 13 февраля 2082 года.

* * *

Они стиснули планету, как пальцы огромной руки, черные, словно изнанка горизонта событий, – до последней секунды, когда все вспыхнуло разом. Горело и визжало. Все радиоприемники ниже геостационарной орбиты застонали в унисон, а инфракрасные телескопы скрутила снежная слепота. Пепел на недели замарал небеса; мезосферные облака высоко над конденсационными следами самолетов каждый рассвет сияли ржавью. Судя по всему, объекты, в основном, состояли из железа. Что это может означать, не понимал никто.

Наверное, впервые за свою историю мир узнал о случившемся прежде, чем ему сообщили: если ты видел небо, то причастился сенсации. Эксперты по важности новостей, лишенные привычной возможности фильтровать реальность, поневоле удовлетворились тем, что дали сенсации имя. Чтобы сговориться на светлячках, потребовалось девяносто минут. Полчаса спустя в ноосфере появились первые трансформанты Фурье¹⁰, и никто не удивился, когда оказалось, что светлячки потратили последний вздох не на белый шум. В их предсмертном хоре был заложен паттерн, загадочный шифр, противостоявший любым попыткам анализа. Неукоснительно прагматичные эксперты гадать отказывались: признали лишь, что светлячки передали куда-то какую-то информацию. Но, какую именно, они не знали.

Зато догадывались все остальные. Как еще объяснить 65 536 зондов, равномерно распределенных по долготам и широтам, не оставивших без покрытия ни одного квадратного метра планетной поверхности? Очевидно, светлячки нас сфотографировали. Мир застучали со спущенными штанами на сложносоставном панорамном стоп-кадре. Нас изучили – в качестве прелюдии то ли к официальному знакомству, то ли к военному вторжению. Точно никто сказать не мог.

Отец, скорее всего, был знаком с людьми, которые знали что-то наверняка. Но к тому времени он давно исчез, как это с ним всегда случалось в смутные времена. Располагал информацией Джим или нет, мне оставалось искать ответы вместе со всем человечеством.

Версий было хоть отбавляй. Ноосфера бурлила от самых разных сценариев в диапазоне от утопических до апокалиптических. Светлячки засеяли область струйного течения смерто-

---

¹⁰ Здесь и далее под трансформантами Фурье понимаются результаты обработки сигналов с помощью преобразований Фурье, в результате которых выясняется, что в сигналах есть определенная последовательность и связность, а значит, информация.

носной чумой. Светлячки вышли полюбоваться природой. «Икар» перенастраивают, чтобы показать пришельцам, каково соваться к нам без спроса. «Икар» уже уничтожили. У нас есть десятки лет, чтобы принять решение; даже пришельцы из другой системы не в силах пробить световой барьер. Нам осталось жить несколько дней; боевые биокорабли уже миновали пояс астероидов и через неделю дезинфицируют всю планету.

Как и все, я наблюдал за говорящими головами и слушал панические вопли. Шлялся по болтосайтам, пропитывался чужими мнениями, но ничего нового не слышал. Я всю жизнь провел в роли некоего пришельца-этнолога: наблюдал, как ведет себя мир, по крупицам собирал протоколы и схемы поведения, законы и правила, которые позволили бы мне просочиться в людское сообщество. Раньше у меня все получалось, но присутствие настоящих инопланетян добавило в уравнение новое неизвестное. Простое наблюдение больше не удовлетворяло меня, как будто из-за появления внушной группы я волей-неволей слился с родным таксоном. Моя отстраненность от мира внезапно показалась натушной и капельку нелепой.

Правда, способа преодолеть ее я так и не нашел, хоть убей.

Челси всегда говорила, что телеприсутствие выхолостило человеческие взаимоотношения. «Говорят, никакой разницы, – как-то заявила она мне. – Все равно, что собраться семьей, в тесном кругу, когда все друг друга видят, толпятся и пахнут. Ан нет! Они – лишь тени на стене пещеры. Само собой, интерактивные, трехмерные, цветные и с силовой обратной связью. Им под силу обмануть цивилизованный рассудок, но нутром ты чувствуешь, что это не люди, хотя понять, с чего ты так решил, естественно, не можешь. Не воспринимаются они как настоящие. Понимаешь, что я хочу сказать?»

Я не понимал. В те дни я представления не имел, о чем она говорит. Но теперь мы все снова превратились в троглодитов, прячущихся под скалой: молния раскалывает небеса, а огромные бесформенные чудовища, чьи тени едва уловимы в стробоскопическом мелькании зарниц, режут и мечутся вокруг. Одиночество перестало приносить утешение, интерактивность тоже не помогала. Был нужен кто-то настоящий, кто-то, в кого можно вцепиться, с кем разделить пространство, страх, надежду и неуверенность.

Я представил рядом товарищей, которые не исчезают, если выйти из сети. Но Челси больше не было, и Пага. Те немногие, кому я мог позвонить, – коллеги и бывшие клиенты, с которыми я особенно убедительно поддерживал видимость взаимопонимания, – не стоили усилий. Плоть и кровь по-своему соотносятся с реальностью: они необходимы, но не достаточны.

Пока я отстраненно смотрел на мир, меня озарило: я совершенно точно знал, что имела в виду Челси со своим луддитским бредом о разбавленном человечестве и бесцветных связях в виртуальном пространстве. Все время знал! Просто не видел никакой разницы по сравнению с реальностью.

* * *

Представь себе, что ты – машина.

Да, я все понимаю. Но представь, что ты – не биологическая машина, а построенная из металла и пластика, спроектированная не случайным естественным отбором, а инженерами и астрофизиками, ни на миг не упускающими из виду конечную цель. И что твоя задача – не воспроизводиться и даже не выжить, а собирать информацию.

Я с легкостью могу себе такое представить. Это намного проще, чем те имитации, которые мне приходится играть ежедневно.

Я плыву сквозь бездну за орбитой Нептуна и для любого наблюдателя в видимой области спектра существую как небытие: асимметричная тень, заслоняющая звезды. Лишь временами в бесконечном вращении я сверкаю тускло отраженным светом. Если ты застанешь меня в этот миг, тебе, вероятно, удастся отчасти распознать мою истинную природу: сегментирован-

ное создание в шкуре из фольги, ошетилившееся суставами, плоскостями и остриями антенн. Тут и там сочленений и швов коснулась легкая изморозь – застывшие клочья газа, скопившиеся, быть может, в окрестностях Юпитера. Повсюду микроскопические трупы земных бактерий, с беспечной страстью процветавших на броне орбитальных станций или плодоносной лунной поверхности, но обратившихся в лед на расстоянии от Солнца вполтину меньшем моего нынешнего. Сейчас, на вздохе от абсолютного нуля, они могут рассыпаться от прикосновения единственного фотона.

Но сердце у меня теплое. В груди пылает крошечный ядерный пожар, даря неуязвимость от внешнего холода. Если не случится несчастья, огонь не погаснет еще тысячу лет, и я буду прислушиваться к слабым голосам из ЦУПа и следовать их указаниям. До сей поры они приказывали лишь изучать кометы. Все полученные мною инструкции содержат четкие и недвусмысленные уточнения этой основополагающей цели моего существования.

Вот почему последние директивы настолько сбивают с толку. Я не нахожу в них смысла. Неверная частота, неправильная мощность сигнала. Я не могу распознать даже протоколы установления связи. Запрашиваю разъяснения, а в ответ тысячу минут спустя приходит невероятная смесь приказов и запросов. Я отвечаю, как могу: вот направление, на котором мощность сигнала была максимальной. Нет, это не стандартный азимут ЦУПа. Да, могу воспроизвести: вот так, как было. Да, перехожу в режим ожидания.

Жду дальнейших указаний. Они приходят 839 минут спустя, и, согласно им, я должен немедленно прекратить изучение комет и войти в управляемую прецессию с периодом в 94 секунды, меняя направление основных антенн с шагом в 5 минут по всем трем осям. Уловив любые данные, сходные с теми, что прежде так сильно меня озадачили, я обязан сориентироваться по азимуту максимальной мощности передачи, вычислить набор параметров, а также ретранслировать ее в ЦУП.

Повинуюсь. Долгое время не слышу ничего, но я бесконечно терпелив и не способен на скуку. В конце концов, афферентных решеток касается мимолетный знакомый сигнал. Возвращаясь, отслеживаю источник, для описания которого у меня есть все необходимое. Транснептунианская комета в поясе Койпера около 200 км в диаметре. С периодом в 4,57 секунды она обводит небосвод направленным радиолучом на волне 21 см. Тот ни в одной точке не пересекается с координатами ЦУПа и направлен, судя по всему, на другую цель.

Земля необычно долго молчит. Когда ответ приходит, от меня требуют изменить курс. Центр сообщает, что отныне моя цель – комета Бернса – Колфилда. Учитывая текущий вектор импульса и запасы топлива, я достигну ее не раньше, чем через тридцать девять лет.

Во время полета ни на что другое отвлекаться нельзя.

* * *

Я работал в Университете Курцвейла¹¹ – связным в расколотовой группе самых передовых ученых, убежденных, что они находятся на грани разрешения квантово-глюального парадокса. Исследователи в области искусственного интеллекта не один десяток лет бились лбами об эту стену; эксперты обещали, что, когда ее пробьют, до первой загрузки личности останется полтора года и не больше двух – до первой надежной эмуляции человеческого сознания в программной среде. Решение этой задачи возвестит конец плотской истории и выведет на сцену сингулярность, нетерпеливо переминающуюся за кулисами без малого полвека.

Через два месяца после Огнепада институт разорвал контракт.

---

¹¹ Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель (в частности, создал первые системы распознавания текста и синтеза речи), философ, видный деятель движения трансгуманистов. Его именем назван Университет сингулярности, созданный в 2009 году, сооснователями которого стали НАСА и «Гугл»

Я, признаться, был удивлен, что они столько тянули. Мгновенная смена приоритетов и головокружительные перемены в попытке вернуть утраченную инициативу дорого нам обошлись. Даже новая постдефицитная экономика не могла выдержать такого катастрофического перелома, не скатившись к банкротству. Станции в глубоком космосе, долгое время считавшиеся защищенными благодаря своей удаленности, внезапно стали уязвимы по той же причине. Обиталища в точках Лагранжа пришлось переоснащать для обороны от неведомого врага. Грузовые корабли снимали с Марсианской петли, вооружали и командировали на новые посты: одни прикрывали плацдарм около Марса, другие отправились к Солнцу для охраны «Икара».

Неважно, что светлячки не произвели по этим мишеням ни одного выстрела. Мы просто не могли позволить себе рисковать.

Естественно, все человечество оказалось в одной лодке, в отчаянии готовое любыми средствами вернуть гипотетическое превосходство. Короли и гендиректора строчили долговые расписки на салфетках и обещали расплатиться сполна, когда вопли уймутся. Тем временем на перспективу утопии из ближайшего будущего надвинулась тень Армагеддона. В Университете Курцвейла, как у всех, внезапно обнаружились другие срочные проблемы.

Так что я вернулся домой, откупорил пузырь «Гленфиддича» и лепестками расположил в голове виртуальные окошки. Люди на иконках спорили со всех сторон, обсуждая объедки, чей срок годности вышел две недели назад.

Позорный крах глобальной системы безопасности.

Нам не причинили никакого вреда.

Спутники связи уничтожены. Тысячи погибших.

Это были случайные столкновения. И непреднамеренные жертвы.

(Кто их послал?)

Мы должны были их засечь. Почему мы...

Дальний космос. Закон обратных квадратов. Считай сам.

Они замаскировались!

(Что им нужно?)

Нас изнасиловали!

Господи Иисусе! Просто сфотографировали.

Почему они молчат?

Луна в порядке. Марс в порядке.

(Где они?)

Почему они не пошли на контакт?

О'Нилы¹² не пострадали.

Технология подразумевает агрессию!

(Они вернутся?)

Нас никто не атаковал.

---

¹² В данном случае О'Нилами называются орбитальные станции, созданные по проекту Джерарда О'Нила (тип «полый вращающийся цилиндр»).

Пока.

Это не вторжение.

Еще нет.

(Но где они?)

(Они вернутся?)

(Эй, кто-нибудь?)

Джим Мур,

голосовой вызов с шифрованием

Принять?

Окошко расцвело под самым моим носом, заслонив спор. Я дважды прочел текст. Попытался вспомнить, когда отец звонил с выезда в последний раз, и не смог. Остальные окна заглушил.

– Папа?

– Сынок, – отозвался он, промедлив. – Ты как?

– Как все. Никак не решим, праздновать или в штаны наложить.

Отец ответил не сразу.

– Да, вопрос серьезный, – сказал он, наконец.

– Дать мне совет ты, конечно, не можешь? Нас, простецов, держат в неведении.

Вопрос был риторический. Чтобы подтвердить это, отцовского молчания не требовалось.

– Знаю, – добавил я секунду спустя. – Просто ходят слухи, что «Икар» рухнул, и...

– Ты знаешь, что я не... – Джим умолк. – Чушь собачья. «Икар» в порядке.

– Правда?

Отец, казалось, взвешивал каждое слово:

– Светлячки, скорее всего, его даже не заметили. Когда станция не работает, следового излучения нет, а в блеске короны ее не разглядеть. Если только не знаешь, где искать.

Пришла моя очередь умолкнуть: этот разговор внезапно начал действовать мне на нервы.

Когда отец уходил на задание, он не звонил домой. А когда он возвращался с задания, никогда ни о чем не рассказывал. Неважно, работает «Икар» или его разнесло в клочья, швырнув на Солнце тысячей километров рваных origami. Так или иначе, отец не сказал бы ни слова, если только не появилось бы официального заявления. Чего – я на всякий случай обновил справочное окошко – еще не случилось.

К тому же, хоть отец всегда был немногословен, прежде частых нерешительных пауз я за ним не замечал, а в нынешнем разговоре он медлил перед каждой репликой.

Я чуть поддернул леску:

– Но корабли туда отправили.

И начал считать. Тысяча-раз, тысяча-два...

– Обычная предосторожность. «Икару» давно требовался осмотр. Ты же не станешь врубать машину на полную, не попилав хотя бы шины для порядка?

Чуть меньше трех секунд на ответ!

– Ты на Луне.

Пауза.

– Почти.

– Что ты... пап! Зачем ты мне все рассказываешь? Разве это не нарушение секретности?

– Тебе позвонят, – сообщил он.

– Кто? Зачем?

– Собирают команду. Из... людей, с которыми ты имеешь дело, – отец слишком рационален, чтобы оспаривать достижения реконструктов и гибридов, но никогда не скрывал своего недоверия к ним. – Им нужен синтез.

– Как удачно, что в твоей родне затесался один.

Радио играет в пинг-понг.

– Это не кумовство, Сири. Я очень хотел, чтобы они выбрали другого.

– Спасибо за дове...

Но он все сразу понял и предугадал мои слова, прежде чем они преодолели разделявшее нас расстояние.

– Я не ставлю под сомнение твои способности, и ты это знаешь. Просто ты – самый подходящий исполнитель для жизненно важного задания.

– Тогда поче... – начал я и осекся.

От работы в какой-нибудь теорлабе Западного полушария отец не стал бы меня удерживать.

– К делу, пап.

– Светлячки. Мы кое-что нашли.

– Что?

– Радиосигнал. Пояс Койпера. Мы отследили координаты.

– Они заговорили?

– Не с нами, – он откашлялся. – Нам просто повезло, что мы перехватили их передачу.

– Тогда с кем?

– Мы не знаем.

– Сообщение дружеское? Враждебное?

– Сынок, мы не знаем. Система шифрования вроде бы та же, но даже в этом мы не уверены. У нас есть лишь местоположение.

– И вы посылаете команду.

Посылаете меня... Прежде люди никогда не долетали до пояса Койпера. Последние роботы отправились туда десятки лет назад. Не то чтобы у нас не было технической возможности – пропало желание. Все, в чем нуждалось человечество, можно найти ближе к дому. Эпоха межпланетных перелетов запнулась на поясе астероидов.

Но теперь что-то затаилось на границе нашей лужайки и взывало к бездне. Может, говорило с другой звездной системой? А может, с чем-то поближе, на подлете.

– Мы не можем игнорировать подобную ситуацию, – заключил отец.

– Как насчет зондов?

– Разумеется. Но мы не можем ждать от них ответа. Экспедиция пойдет по их следам, обновления будет получать по пути.

Он дал мне несколько секунд, чтобы переварить информацию, и продолжил:

– Ты должен понять. По нашим предположениям, Бернс – Колфилд не знает, что мы его засекли. На данный момент это наше единственное преимущество. Мы должны извлечь как можно больше из этой возможности.

Но объект Бернса – Колфилда скрывался от нас. Ему может не понравиться принудительное знакомство.

– Что, если я откажусь?

Задержка с ответом, кажется, говорила вообще о Марсе.

– Я тебя знаю, сынок. Ты не откажешься.

– А если? Если я лучший кандидат и задача так важна...

Ему не надо было отвечать, а мне не стоило спрашивать. При таких ставках люди, критически важные для миссии, лишаются права выбора. У меня не будет возможности даже с детской мелочностью задержать дыхание и выйти из песочницы: воля к сопротивлению –

дело столь же механическое, как и необходимость дышать. С подходящими нейрохимическими отмычками можно подавить и то и другое.

– Это вы разорвали мой контракт с институтом, – сообразил я.

– Это самое малое из того, что мы сделали.

Какое-то время говорил лишь разделяющий нас вакуум.

– Если бы я мог вернуться в прошлое и исправить то... что сделало тебя таким... – признался отец, сделав паузу, – я бы так и сделал. Не раздумывая.

– Ага.

– Мне пора. Просто не хотел держать тебя в неведении.

– Спасибо.

– Я люблю тебя, сынок.

«Где ты? Домой-то успеешь вернуться?»

– Спасибо, – повторил я. – Приятно слышать.

* * *

Вот чего мой отец изменить не мог. Того, кто я есть.

Я – мост между передним краем технологии и неподвижным центром, я стою между волшебником Изумрудного города и фокусником из Канзаса, который спрятался за занавесом. Я и есть этот занавес.

Такие, как я, появились давно. Наши корни у истоков цивилизации, но мои предшественники исполняли иную, менее почетную роль. Они лишь смазывали колеса общественной стабильности: подслащали горькие истины, ради политических выгод растили воображаемых чудовищ. По-своему они были незаменимы. Даже вооруженное до зубов полицейское государство не может постоянно использовать грубую силу против каждого из своих подданных. Меметический контроль тоньше: подкрашенное розовым отражение реальности, данной нам в ощущениях, и заразный страх перед угрожающими альтернативами. Всегда существовали те, кому доверено преобразовывать информационную конфигурацию, но на протяжении большей части истории никто не имел дела с ее упрощением.

С приходом нового тысячелетия все изменилось. Мы превзошли самих себя, ступили на территории за пределами человеческого понимания. Порой даже в обычном пространстве ландшафт оказывался настолько прихотлив, что наш рассудок просто не мог его охватить. Иногда сами координаты уходили в измерения, непредставимые для мозгов, приспособленных драться и спариваться в допотопной саванне. Слишком многое ограничивает нас со всех сторон. Самые устойчивые философские основы бескорыстия рушатся под натиском грубых эгоистических императивов спинного мозга. Изящные и стройные уравнения предсказывают поведение квантового мира, но не помогают его объяснить. За четыре тысячи лет мы даже не смогли доказать себе, что реальность существует вне наблюдателя.

Мы слишком нуждаемся в интеллекте, превосходящем наш собственный, но не очень хорошо умеем его создавать. Насильственное скрещивание разума и электронов оказывается удачным и провальным с одинаково впечатляющими результатами. Наши гибриды становятся похожими на гениальных аутистов. Мы насаживаем плоть на протезы, заставляем перегруженные моторные извилины жонглировать мускулами и механизмами, а когда пальцы подергиваются и язык заплетается, качаем головой. Компьютеры загружают своих отпрысков, множатся, обретают мудрость столь непредставимую, что их отчеты несут явную печать маразма – едва разумным тварям, оставшимся позади, они кажутся рассеянными и бессмысленными.

И, когда ваши собственные творения, что намного вас превосходят, находят нужные ответы, вы не в силах понять их выкладки и не можете проверить решения. Приходится принимать слова на веру. Или воспользоваться теорией информации, сплющить полученные выводы,

сделать из тессеракта двухмерную игрушку, а бутылку Клейна представить в простом 3Д – одним словом, упростить реальность. Попутно лучше помолиться богам, пережившим второе тысячелетие, ведь, искажая истину, пусть и с самыми лучшими намерениями, можно попутно снести пару несущих стен, на которых держалась вся теория. Приходится нанимать таких, как я: гибридных потомков профайлеров, технических редакторов и спецов по теории информации.

В официальной обстановке нас называют синтетами, на улице кличут жаргонявтами или «попугаями». Мудрецы, чьи кровью политые открытия лоботомируют и холостят ради могущественных невежд, заинтересованных исключительно в рыночной прибыли, могут обзывать кротом или шапероном¹³. Исаак Шпиндель нарек меня «комиссаром», и пусть подколка была дружелюбной, в каждой шутке есть доля истины.

Мне так и не удалось убедить себя, что мы, люди, сделали правильный выбор. Я даже во сне могу перечислить стандартный набор оправданий, бесконечно долдонить о ротационной топологии информации и неуместности семантического понимания. Но, когда все слова сказаны, остаюсь один на один со своей неуверенностью. И не знаю никого, кто бы от нее избавился. Может, все наши старания – афера, в которой заодно и мошенники, и их жертвы? Мы не готовы признать, что наши собственные творения нас превзошли: пускай они говорят на неведомых языках, но наши жрецы умеют толковать знаки. Боги высекают алгоритмы на горных склонах, зато скрижали народу приношу я, маленький, жалкий и совсем не страшный.

Возможно, сингулярность случилась много лет назад. Мы просто боимся признать, что отстали.

* * *

...Ведь всякие звери приходят сюда,

И демоны изредка тоже.

*Иэн Андерсон. Поднимается сом*¹⁴

Нас назвали «третьей волной». Загнали в одну лодку и отправили в бесконечную тьму – спасибо передовому прототипу корабля, который спустили с симуляторов, опередив график на целых восемнадцать месяцев. В другой экономике, не столь объятый страхом, такое насилие над расписанием разорило бы четыре страны и пятнадцать мультикорпораций.

Первые две волны спустили на воду еще более поспешно. О том, что случилось с ними, я узнал за полчаса до инструктажа, когда Сараста сбросил телеметрию в КонСенсус. Я полностью раскрылся, и данные хлынули в имплантаты, расплескались по теменным долям коры сверкающим потоком сверхплотной информации. Даже сейчас я помню данные так же ясно, как в тот день, когда их записали.

Я там. И я – это они.

Я – «пушечное мясо», беспилотник, одновременно улучшенный и ободранный до костей, телениглияционный реактор с камерами, привинченными к носу; выдаю ускорение, которое размазало бы плоть в студень. Я радостно мчусь во тьму, а мой стереоскопический брат-близнец несется в сотне километров по правому борту. Двойные реактивные струи пионов разгоняют нас до субсветовой прежде, чем бедный старый «Тезей» доковылял до марсианской орбиты.

---

¹³ Судя по прозвищам, мудрецы признают пользу синтетов, так как в случае шаперонов имеются в виду белки-шапероны, одна из функций которых восстановление правильной третичной или четвертичной структуры белка, а некоторые шапероны участвуют в процессе правильного сворачивания белка при увеличении температуры.

¹⁴ *Иэн Андерсон* (р. 1947) – солист и руководитель британской рок-группы «Jethro Tull». В качестве цитаты вынесены слова из песни «Occasional demons» (альбом «Catfish Rising», 1991).

Но, когда за кормой уже шесть миллиардов километров, ЦУП перекрывает кран, и мы летим по инерции. Комета растет в объективах – замороженная загадка, расчерчивающая небо направленным сигналом, как прожекторным лучом. Мы наводим на нее рудиментарные органы чувств и разглядываем в излучении на тысяче частот.

Мы жили ради этой секунды.

Мы видим беспорядочные колебания, которые говорят о недавних столкновениях. Видим ирамы – гладкие ледяные просторы там, где прыщавая шкура расплавилась и замерзла вновь совсем недавно, бессильное солнце за нашими спинами в таком преступлении не обвинить.

Мы видим невозможное: комету с ядром из чистого железа.

Плывем мимо, а комета Бернса – Колфилда поет. Не для нас; она игнорирует наш пролет, как игнорировала приближение. Поет для кого-то другого. Возможно, когда-нибудь мы встретим ее слушателей. Вероятно, они ждут впереди, в бесплодной пустыне пространства. ЦУП переворачивает нас вверх ногами, заставляет держать камеру на цели даже тогда, когда любые возможности захвата потеряны. Шлет отчаянные указания, пытается выжать из наших гаснущих сигналов, из помех последние биты информации. Я чувствую его разочарование, Земля не хочет нас отпускать; пару раз даже спрашивает, не позволит ли тщательно отмеренный тормозной импульс задержаться еще ненадолго.

Торможение – для сосунков, мы направляемся к звездам.

Пока, Бернси... Чао, ЦУП! Прощай, Солнце.

Свидимся при тепловой смерти.

* * *

К цели мы приближаемся с опаской.

Нас трое во второй волне, и мы не спешим, как наши предшественники, но все равно летим гораздо быстрее механизмов, скованных грузом плоти. Нас сдерживает груз, дарующий виртуальное всеведение: мы зрим на всех длинах волн, от радио до вибрации субатомных струн. Автономные микрозонды готовы измерить все, что предусмотрели хозяева, а крошечные бортовые сборщики способны лепить инструменты атом за атомом, чтобы уловить непредусмотренное. Атомы, собранные по дороге, соединяются с ионами, догоняющими нас из точки старта: в чреве каждого из нас копятся топливо и снаряжение.

Лишняя тяжесть задерживает, но еще большие замедляют маневры торможения на полпути. Вторую половину странствия мы неустанно боремся с инерцией, накопившейся с начала полета. Не самый эффективный способ путешествовать. В менее отчаянной ситуации мы сразу набрали бы оптимальную скорость и, вероятно, подтолкнули бы себя, обернувшись вокруг подвернувшейся планеты; большую часть пути продрейфовали бы. Но время поджимает, поэтому идем под тягой всю дорогу. Нужно достичь цели, мы не можем позволить себе ее миновать и решиться на самоубийственное мотовство первой волны. Она лишь набросала контуры ландшафта, а нам нужно заснять все до мелочей.

Приходится вести себя ответственно.

Теперь, выходя на орбиту, мы видим все, что рассмотрели наши предшественники, и даже более: ледяные струнья и невозможное железное ядро. Еще мы слышим песнь и под мерзлой коркой кометы распознаем формы: архитектуру, прорастающую сквозь геологию. Мы слишком далеко, чтобы прищуриться, а радар подслеповат, мелких деталей не видит. Но мы умные, и нас трое, разделенных огромными пространствами. Длины волн трех радаров можно подогнать так, чтобы они сошлись в заранее предусмотренной точке, – и полученный голографический ремикс тройного эха увеличит разрешение в двадцать семь раз.

Комета Бернса – Колфилда замолкает в ту самую секунду, когда наш план вступает в действие. А потом я слепа.

Это временная неполадка: из-за перегрузки рефлекторно напряглись фильтры. В следующую секунду системы возвращаются в рабочий режим, а диагностика дает зеленый свет. Я связываюсь с товарищами, подтверждаю аналогичные неполадки восстановления. Мы в полном порядке, вот только внезапно увеличилась плотность ионизированного газа вокруг. Может, какой-то сенсорный сбой. Мы готовы изучать комету Бернса – Колфилда дальше. Единственная проблема заключается в том, что она исчезла...

* * *

Экипажа как такового на «Тезее» не было – ни пилотов, ни механиков, ни матросов, чтобы драить палубу; смысл тратить мясо на работу, которую машины выполняют на порядок лучше. Если еще не ушедшим на Небеса массам требуется придать своим жизням иллюзию смысла, то пусть другие корабли тонут под тяжестью лишних вахт. Пусть людишки кишат на судах, ведомых коммерческими интересами. Нас пустили на борт лишь потому, что для Первого контакта еще не разработали специальных программ. «Тезей» мчался за пределы Солнечной системы и нес в себе судьбу мира, тратить массу на самоуважение ему было не с руки.

Вот все мы, напитанные влагой и отмытые до скрипа: Исаак Шпиндель, чья задача – изучать инопланетян; Банда четырех – Сьюзен Джеймс и ее дополнительные личности – чтобы общаться с ними; майор Аманда Бейтс – чтобы драться, если потребуется; Юкка Сарасты – чтобы властвовать над всеми нами и двигать, словно шахматные фигурки на многомерной игровой доске, видимой лишь вампирам.

Он посадил нас за стол, который ловко кривился посреди рекреации, незаметно поддерживая постоянное расстояние до прогнувшейся палубы под ногами. Вертушка была обставлена в стиле раннего сводизма, заставлявшего похмельные, непривычные мозги верить, что смотришь на мир сквозь широкоугольный объектив. Из уважения к суставам недавно воскресших живых мертвецов вертушку раскрутили всего на одну пятую «же», но только для разогрева: через шесть часов тяготение доведут до половины земного, и две трети каждого суток оно будет оставаться на этом уровне, пока корабль не решит, что мы полностью оправились. На ближайшие дни невесомость превратится в редкую роскошь.

Над столом повисли световые скульптуры. Сарасты мог передать данные в наши имплантаты напрямую и вообще провести собрание через КонСенсус; необходимости физически собираться в одном месте не было. Однако, если хочешь привлечь чье-то внимание, говорить нужно лицом к лицу.

Шпиндель заговорщицки склонился ко мне:

– А может, наш кровосос просто возбуждается, глядя на такую уйму мяса перед собой?

Если Сарасты и услышал, то не подал вида; даже мне. Он указал на темное сердце в центре экрана. Его глаза спрятались за черным забралом очков.

– Объект Оаса. Инфракрасный эмиттер, метановая группа.

Объект на экране не потрясал воображение: предположительная цель казалась черным диском, круглым провалом среди звезд. В жизни он весил как десять Юпитеров и в талии был шире этого гиганта процентов на двадцать. Лежал прямо по курсу: слишком маленький, чтобы гореть; слишком одинокий, чтобы отражать свет далеких звезд; слишком тяжелый для газового гиганта; слишком легкий для коричневого карлика.

– Когда эта штука проявилась?

Бейтс одной рукой тискала свой резиновый мячик, до белизны в костяшках.

– В 2076-м на микроволновой съемке засекают рентгеновский пик. – «За шесть лет до Огнепада, значит». – Сигнал не повторяется, подтвердить его не могут. Судя по спектру, тор-

сионная вспышка на карлике L-класса¹⁵, но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики.

Брови Шпинделя сползли вместе – точно гусеницы поцеловались.

– Что изменилось?

Сараста усмехнулся, не разжимая губ.

– После Огнепада в метабазе начинает рыться куча народа. Все суетятся, ищут хоть какие-то улики. Когда комета Бернса – Колфилда взрывается... – он пощелкал языком, – становится ясно, что субкарликовый объект может давать такие вспышки, если магнитосфера у него достаточно взбаламучена.

Бейтс:

– Взбаламучена чем?

– Не знаем.

Пока Сараста обрисовывал ситуацию, на столе слой за слоем громоздились статистические подсчеты. Объект удалось отыскать лишь с помощью невероятно интенсивного поиска, и это при неимоверно пристальном внимании всей планеты и заранее известном направлении. Тысячу моментальных снимков с разных телескопов наложили друг на друга и прогнали сквозь дюжину фильтров, прежде чем что-то прорезалось из помех где-то между трехметровым диапазоном и порогом чувствительности. Долгое время оно даже толком не существовало, больше напоминая вероятностного призрака, пока «Тезей» не подобрался достаточно близко и не увидел очевидное: квантовую частицу, тяжелую как десять Юпитеров.

Земные картографы окрестили его Большим Беном. «Тезей» едва миновал орбиту Сатурна, когда объект нашли в статистических погрешностях. Для любой другой экспедиции такое открытие ничего не значило бы: новость пришла бы по дороге, но горячего хватило бы только на унылое возвращение домой. А у «Тезея» бесконечно тонкий топливопровод тянулся к самому Солнцу, и корабль мог буквально развернуться на пресловутом пятачке. Мы сменили курс, не просыпаясь, и луч «Икара» следовал за нами на световой скорости, словно кошка за добычей.

И вот – приехали.

– К вопросу о малых вероятностях, так сказать, – проворчал Шпиндель.

Сидевшая по другую сторону стола Бейтс взмахнула рукой, и ее мячик проплыл над моей макушкой; я слышал, как он ударился о палубу («не о палубу, – поправило что-то во мне, – о поручень»).

– Значит, предполагаем, что комета была задумана как ложная цель?

Сараста кивнул. Мячик рикошетом вернулся в мое поле зрения откуда-то сверху и на миг скрылся за становой жилой, петляя в слабом тяготении вертушки по эксцентричным, опровергающим подсказки интуиции траекториям.

– Значит, они хотят, чтобы их не трогали.

Сараста сложил пальцы домиком и повернулся к Бейтс:

– Это ваши рекомендации?

Это было ее желание.

– Нет, сэр. Я имею в виду, что на отправку объекта Бернса – Колфилда ушло, должно быть, немало сил и средств. Тот, кто его построил, очевидно, высоко ценит свою анонимность и обладает достаточно высокими технологиями, чтобы ее защитить.

---

¹⁵ *Коричневые карлики L-класса* – промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов, рубидия, цезия, а также низкая температура. Термин «торсионная вспышка» в данном случае значит, что вспышка вызвана завихрениями магнитного поля коричневого карлика.

Мячик срикошетил в последний раз и поковылял обратно через рекреацию. Бейтс встала с кресла, всплыв на миг, и едва успела поймать его на лету. В ее движениях чувствовалась неуклюжесть новорожденной зверушки: действие силы Кориолиса пополам с трупным окоченением. Для пятого часа – отличный результат. Мы, остальные хомосапиенсы, едва встали на ноги.

– А может, для них это было не так уж и сложно? – размышлял вслух Шпиндель. – Раз плюнуть!

– Тогда неважно, враждебны они или нет. В этом случае перед нами цивилизация, которая по уровню технического развития на голову выше человечества. Если так, нам точно не стоит к ним торопиться.

Сараста вернулся к бурлящим диаграммам.

– И?

Бейтс тискала в пальцах добытый мячик.

– Сыр достается второй мыши. Пусть наша супероснащенная разведка в поясе Койпера пошла коту под хвост, но ломиться вслепую необязательно. Надо отправить дронов по разным векторам, а с тесным контактом обождать, по крайней мере, до того момента, когда выясним, насколько враждебный прием нас ждет.

Джеймс мотнула головой:

– Если бы они были настроены враждебно, то могли бы зарядить светлячки антиматерией. Или вместо шестидесяти тысяч крошечных объектов послать один большой. Нас вынесло бы при столкновении.

– Светлячки не говорят ни о чем, кроме изначального любопытства, – парировала Бейтс. – Понравилось им увиденное или нет, кто знает?

– А что, если теория отвлекающего маневра – дерьмо собачье?

Я обернулся, вздрогнув. Звуки доносились из рта Джеймс, но говорила Саша.

– Если хочешь остаться незамеченным, не устраиваешь фейерверк вполнеба, – продолжала она. – Если тебя никто не ищет, нет смысла прятаться, а никто не станет искать, если о тебе не знают. Если им было просто интересно, могли снять все по-тихому.

– Риск обнаружения, – вполголоса напомнил вампир.

– Не хочу вас расстраивать, Юкка, но светлячки тоже не на цыпочках...

Сараста открыл рот. И закрыл. Мелькнули и отчетливо щелкнули, смыкаясь, едва видимые острые зубы. В очках вампира отражались диаграммы с рабочего стола – корчащаяся многоцветная полоса на месте глаз.

Саша заткнулась.

– Они платят скрытностью за скорость, – продолжил Сараста. – К тому времени, как вы среагируете, они уже получат свое.

Он говорил терпеливо и негромко: сытый хищник, объясняющий добыче правила игры, которые та должна бы знать сама: «Чем дольше я буду тебя отслеживать, тем легче тебе уйти от погони».

Но Саша уже исчезла. Ее грани разлетелись как стая испуганных скворцов, и на следующем слове голосом Сьюзен Джеймс заговорила сама Сьюзен:

– Юкка, Саша знакома с текущей парадигмой. Она просто беспокоится, что парадигма может оказаться неправильной.

– У вас есть другая? – поинтересовался Шпиндель. – Основательнее? Шире?

– Не знаю, – Джеймс вздохнула. – Нет, пожалуй. Просто... странно, если они действительно решили отправить нас по ложному следу. Я надеялась, они просто... ладно, – она развела руками. – Думаю, ничего страшного... Уверена, если мы правильно представимся, они пойдут на контакт. Возможно, нам следует быть немного осторожнее...

Сараста встал из кресла, выпрямившись во весь рост, и навис над нами:

– Мы идем на сближение. Последние данные не оставляют времени для проволочек. Бейтс нахмурилась и вновь отправила мячик на орбиту.

– Сэр, все, что мы знаем с уверенностью, – это то, что объект Оаса находится прямо по курсу. Нам даже неизвестно, есть ли там кто-нибудь.

– Есть, – отозвался Сараста. – И они нас ждут.

Несколько секунд все молчали. В тишине хрустнули чьи-то суставы.

– Э... – начал Шпиндель.

Сараста, не глядя, поднял руку и поймал в воздухе вернувшийся мячик Бейтс.

– «Тезей» отпингован¹⁶ лидаром¹⁷ четыре часа сорок восемь минут назад. Мы отвечаем идентичным сигналом. Реакции нет. Зонды отправлены за полчаса до нашего пробуждения. Вслепую ломиться мы не станем, но ждать нельзя. Нас уже видят, и чем дольше мы медлим, тем выше риск противодействия.

Я смотрел на темное, безликое пятно над столом: оно было больше Юпитера, и все же мы до сих пор его не видели. Скрываясь в тени этой громады, что-то с невероятной и непринужденной точностью щелкнуло нас по носу лазерным лучом.

Не получится у нас диалога на равных.

– Вы знали об этом с самого начала? – озвучил общее мнение Шпиндель. – И говорите только сейчас?

Сараста широко и зубасто улыбнулся, будто расплосовал себе нижнюю половину лица. Возможно, хищник просто не мог не играть с едой.

* * *

Дело не во внешнем виде. Удлиненные конечности, бледная кожа, клыки, выпирающая челюсть, конечно, заметны и непривычны, но они не отпугивают, не устрашают. Дело не в глазах: у кошек и собак они светятся в темноте, но у нас это не вызывает дрожь.

Все загвоздка в движениях. Что-то на уровне рефлексов. Он держал конечности так, что походил на богомола, и ты постоянно думал только об одном: эти длинные суставчатые штуки могут протянуться и схватить тебя на другом конце комнаты в любой момент, когда заблагорассудится хозяину. Стоило Сарасте взглянуть на меня – по-настоящему, невооруженным взглядом, без очков – полмиллиона лет куда-то испарялись. То, что он вымер, ничего не значило. Как и то, что мы прошли долгий путь, набрали достаточно сил и воскресили собственные кошмары себе на потребу. Гены не обманешь, они знают, чего бояться.

Конечно, испытать такое надо самому и вживую. Роберт Паглиньо знал вампиров до последней молекулы – теоретически, но так и не понял их, хотя держал в голове все биотехнические параметры. Он позвонил мне перед отлетом, чем немало меня удивил. Когда объявили состав экспедиции, надсмотрщики блокировали все личные вызовы, кроме внесенных в «белый список». Я забыл, что Паг в него входит. После Челси мы не общались, и я уже оставил надежду когда-нибудь снова с ним встретиться.

Но он позвонил.

– Стручок, – Паг неуверенно улыбнулся, вызывая на разговор.

– Рад тебя видеть, – ответил я. Ведь в подобных ситуациях принято так говорить.

– Ну... я видел твое имя на плахе. Для исходника ты здорово поднялся.

– Не слишком.

---

¹⁶ Пинговать (компьютерный жаргон) – отправлять сигнал с требованием подтвердить его получение.

¹⁷ Лидар – лазерный дальномер.

– Твою мать, да ты теперь – авангард человечества! Наша первая, последняя и единственная надежда перед лицом неведомого. Ты их всех сделал! – Паг с постановочным восторгом вскинул сжатый кулак.

Краеугольным камнем в жизни Роберта Паглиньо стало желание всех сделать, и, надо сказать, оно пошло ему на пользу, а недостатки естественного происхождения он преодолел с помощью модификаций, хирургических улучшений и невероятной безжалостности. В мире, где человечество беспрецедентными темпами становилось излишним, мы оба хранили статус другой эпохи: профессиональных работников.

– Теперь тобой будет командовать вамп, – прокомментировал он. – Как говорится, клин клином вышибают.

– Наверное, хотят, чтобы мы попрактиковались. Ну, чтобы с настоящими чужаками было полегче.

Паг рассмеялся. Понятия не имею, почему. Но на всякий случай улыбнулся в ответ. Мне было приятно снова его видеть.

– Ну и какие они в жизни? – спросил Паг.

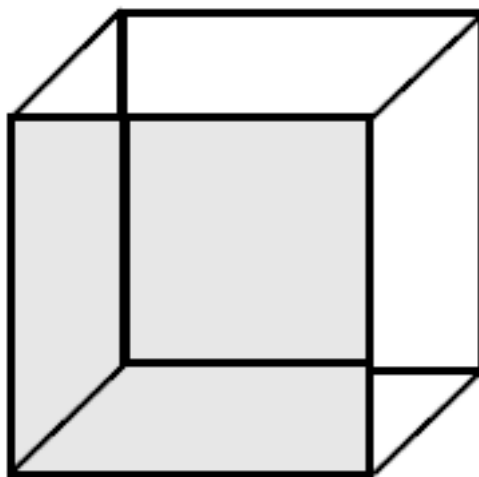
– Вампиры? Не знаю. Вчера первого увидел.

– И?

– Трудно читается. Порой кажется, что он не осознает происходящее вокруг, словно... уходит в свой воображаемый мирок.

– Еще как осознает! Эти твари такие сообразительные, что дрожь пробирает. Ты знаешь, что они могут одновременно удерживать в сознании оба аспекта кубов Неккера?

Термин показался знакомым. Я запросил подсказку и увидел миниатюру знакомой проволочной рамки:

Теперь я вспомнил: классическая зрительная иллюзия. Иногда заштрихованной кажется передняя сторона, иногда – задняя. Куб переворачивается в зависимости от взгляда.

– Мы с тобой видим куб или так, или иначе, – продолжил Пат. – Упыри видят его обоими способами одновременно. Представляешь, какое это им дает преимущество?

– Недостаточное.

– Туше! Но, послушай, они не виноваты, что в малых популяциях нейтральные признаки фиксируются.

– Я бы не назвал крестовый глюк нейтральным признаком.

– Поначалу он был именно таким. Много ли прямых углов ты видишь в природе? – Паг махнул рукой. – Хотя не в них дело. Суть в том, что они способны на то, что для нас, людей, неврологически невозможно. Скажем, одновременно воспринимать множественные картины

мира. То, что мы вынуждены прорабатывать шаг за шагом, вампы замечают с первого взгляда, им не нужно об этом думать. Ты ведь знаешь, что ни один обычный человек из исходников не сможет с ходу перечислить все простые числа между единицей и миллиардом? В старые времена на такое были способны только редкие аутисты.

– Он никогда не пользуется прошедшим временем, – пробормотал я.

– А? Это... – Паг кивнул. – Вампиры не воспринимают прошедшего времени. Для них это другая ветка реальности. Они не вспоминают прошлое, а переживают его заново.

– Вроде явственных воспоминаний после травмы?

– Только без травмы, – Роберт поморщился. – По крайней мере для них.

– Выходит, это твой нынешний конек? Вампиры?

– Стручок, вампиры сейчас – Конек с большой буквы «ка» для любого, у кого в резюме есть хотя бы одна приставка «нейро». Я лишь делал пару статей по гистологии. Рецепторы распознавания образов, светоизбирательные фоторецепторы, фильтры информационного приоритета¹⁸. В общем, про их глаза.

– Ага, – я колебался. – Выводят из равновесия, знаешь ли.

– А то! – Паг понимающе кивнул. – Это их тапетум¹⁹ дает такой отблеск... Жуть!

Он помотал головой, явно впечатленный моим замечанием.

– Ты не видел их живьем, – заключил я.

– В смысле во плоти? Да я бы отдал за это левое яйцо. А что?

– Дело не в свечении. А в... – Я поискал подходящее слово: – В отношении.

– Ага, – согласился Паг, помолчав. – Пожалуй, иной раз своими глазами не увидишь – не поймешь, да? Поэтому я тебе и завидую, Стручок.

– Зря.

– Не зря! Даже если ты не встретишься с теми, кто послал светлячков, у тебя будет возможность понаблюдать этого... Сараси, да?

– Впустую. В моем резюме все «нейро» стоят в графе «история болезни».

Роберт рассмеялся.

– Ну, в общем, как я сказал – увидел твоё имя в заголовках и решил: старику через пару месяцев вылетать, и, наверное, не стоит ждать, что он сам позвонит.

С нашего последнего разговора прошло больше двух лет.

– Не думал о том, что пробьюсь, кстати. Решил, ты занес меня в «черный список».

– Нет. Мысли такой не было, – уверил его я.

Паг опустил глаза, затих, но потом пробормотал:

– Мог бы ей позвонить.

– Знаю.

– Она умирала. Ты бы мог...

– Не было времени.

Паг решил проглотить мое неприкрытое вранье и просто сказал:

– В общем, я хотел пожелать тебе удачи.

Что тоже не до конца было правдой.

– Спасибо. Ценю.

– Надери прищельцам задницы! Если они у них есть.

---

¹⁸ Светоизбирательные фоторецепторы – это набор фоторецепторов в сетчатке вампира, в которых центральные клетки запускаются, реагируя на луч света, тогда как остальные вокруг них «угнетаются» тем же самым стимулом. Свое английское название («Mexican hat agrays») рецепторы получили из-за того, что отображение их работы в форме графика дает кривую, напоминающую классическое сомбреро. Фильтры информационного приоритета – это подпрограммы распознавания образов в зрительной коре головного мозга, способные давать организму нечто вроде позитивного подкрепления вплоть до гормонального в ответ на зрительную стимуляцию особого рода.

¹⁹ Отражающий свет слой клеток на внутренней стороне сосудистой оболочки глаза, благодаря которому дно глаза отливает металлическим блеском и светится в темноте. Есть только у животных.

– Нас будет пятеро, Паг. Вместе с дублерами девять человек. На армию не похоже.
– Просто фигура речи, мой млекопитающий брат. Тогда зарой топор войны. Не пускай торпеды. Успокой дракона.
«Подними белый флаг», – подумал я.
– Ты, наверное, очень занят, – заметил он, – я...
– Слушай, хочешь встретиться? В реале. Я давно не был в «КуБите».
– Я бы с радостью, Стручок. Только сейчас в Манкойе, на семинаре по углубленному анализу.
– Ты хочешь сказать – физически?
– Передовые разработки. Старая школа, привычка...
– Жалко.
– В общем, оставлю я тебя. Просто хотел... ну понимаешь...
– Спасибо, – повторил я.
– Ну ты понял. Пока, – заключил он.
Для чего, если разобраться, Роберт Паглиньо мне и звонил: он не рассчитывал на «следующий раз».

* * *

Паг винил меня за то, что с Челси так вышло. И поделом! Я винил его за то, что с ней все началось.

Он занялся нейроэкономикой, как минимум, потому, что друг детства прямо у него на глазах превратился в человека-стручка. Я подался в синтез примерно по той же причине. Наши пути разошлись, и мы не часто встречались во плоти, но и через двадцать лет после того, как я ради него избил тех пацанов, Роберт Паглиньо оставался моим лучшим и единственным другом.

– Тебе надо оттаять, – как-то сказал он мне. – И я знаю женщину с подходящими хватками для духовки.

– Это, пожалуй, самая скверная метафора в истории человеческого языка, – заметил я.

– Серьезно, она тебе под стать. Вроде противовеса – сдвинет ближе к статистической норме, понимаешь?

– Нет, Паг, не понимаю. Кто она – тоже нейроэкономист?

– Нейрокосметолог, – поправил он.

– На них еще есть спрос? – Я сильно удивился: зачем платить за то, чтобы увеличить совместимость со своей «второй половиной», когда само понятие «вторая половина» вышло из моды?

– Небольшой, – признался Паг. – Вообще-то она сидит почти без работы. Но инструменты еще при ней, старина! Очень тигмотактичная²⁰ девочка. Предпочитает общаться лицом к лицу и во плоти.

– Не знаю, Паг. Слишком смахивает на работу.

– Это не твоя работа. С ней всяко будет полегче, чем с этими чертовыми композитниками, которых ты переводишь. Умница, красавица, да и вполне нормальная, если не считать заморочек по поводу личного общения. А это не столько извращение, сколько милый фетиш. И в твоем случае он может дать лечебный эффект.

– Если бы я хотел лечиться, то обратился бы к психиатру.

– По правде сказать, этим она тоже подрабатывает.

– Да? – И, против воли: – Получается?

---

²⁰ Тигмотаксис – произвольное движение в направлении тактильного раздражителя.

Паг смерил меня взглядом.

– Тебе не поможет. Да и не в том дело. Я просто прикинул, что вы двое должны сойтись.

Челси – одна из немногих, кого с ходу не оттолкнул твои интимные проблемы.

– В наше время у всех интимные проблемы, если ты не заметил.

Как тут не заметишь: население уменьшается не первый десяток лет.

– Это был эвфемизм. Я имел в виду твою антипатию к контакту с людьми вообще.

– Называть тебя человеком – уже эвфемизм?

Он ухмыльнулся:

– Тут другое. Мы с тобой давно друг друга знаем.

– Спасибо, но нет.

– Поздно, она уже едет на место вашей встречи.

– Место на... Паг, ты жопа!

– Глубокая.

В результате неожиданно для себя я оказался на свидании, такая неприятная близость совсем не радовала. В коктейль-баре отеля «Бесс и медведь» слабое рассеянное сияние сочилось из-под кресел и столешниц; цветовая гамма сползала – по крайней мере, тем вечером – в длинные волны. В таких местах исходники могут делать вид, что видят инфракрасный свет. Так поступил и я, разглядывая женщину за столиком в углу: долговязую и роскошную. С полдюжины кровей слилось в ней так, что ни одна не забивала остальные. На щеке что-то мерцало слабым изумрудным стаккато на плавном фоне красного смещения. Волосы угольным облаком колыхались в воздухе. Подойдя, я заметил в толще нимба металлические искры и нити электростатического генератора, создающего иллюзию невесомости. В нормальной обстановке ее кроваво-красная кожа приобрела бы модный карамельный оттенок бесстыдного смешения племен.

Она была привлекательна, но в таком освещении это нетрудно: чем длиннее световые волны, тем более размыто изображение. На траходромах нарочно не ставят флуоресцентные лампы.

«Ты на это не купишься», – сказал я себе.

– Челси, – представилась она. Ее мизинец упирался в зарядник, встроенный в столешницу. – Бывший нейрокосметолог, а ныне паразит на теле мировой экономики – спасибо генетике и чудесам новых технологий.

На ее щеке лениво взмахивал яркими крыльями отсвет: биолюминесцентная татуировка-бабочка.

– Сири, – отозвался я. – Синтет-фрилансер, крепостной на службе генетики и технологий, превративших тебя в паразита.

Она взмахом руки указала на пустовавшее рядом сиденье. Я принял приглашение, оценивая представшую передо мной систему и прикидывая лучший способ быстро, но дипломатично разорвать контакт. Изгиб ее плеч подсказывал, что она обожает светопись и стесняется в этом признаться. Любимым художником Челси был Монаган. Она считала себя «естественной» девушкой, потому что много лет сидела на химических либидниках, хотя проще было бы сделать нейрокорректуру. Втайне она наслаждалась своей противоречивостью: на работе Челси правила людям мысли, но одновременно верила в дегуманизирующее влияние телефонов. От рождения Челси была привязчива и страшно боялась безответной привязанности, хотя упрямо отказывалась поддаться своим страхам.

Ей нравилось то, что она увидела во мне. И немного пугало.

– Хорошая здесь дурь, – Челси показала на мой край стола. В кровавом свете тачпады мерцали нестройной синевой, будто отпечатки распластанных ладоней. – Лишняя феноксигруппа или что-то в этом роде.

Типовые нейропрепараты на меня почти не действуют: они оптимизированы для людей, у которых в черепе больше серого вещества. Я для виду потыкал тачпад и едва ощутил приход.

– Итак, синтез. Значит, объясняем безразличным непостижимое.

Я послушно улыбнулся:

– Скорее, наводим мосты. Между теми, кто совершает открытия, и теми, кто получает за это награду.

Она улыбнулась в ответ.

– Как это у вас получается? У ваших подопечных и лобные доли оптимизированы, модернизаций куча... Я хочу сказать, если они непостижимы, то как же вам все-таки удастся их понять?

– Помогает, когда не понимаешь вообще всех. Набираешься опыта.

Вот так, это должно немного увеличить дистанцию.

Не помогло... Она решила, что я шучу. Я видел, как ей хочется узнать подробности о моей работе, потом обо мне, а это могло привести...

– Расскажи, – вкрадчиво поинтересовался я, – каково это – зарабатывать на жизнь перепайкой чужих мозгов.

Челси поморщилась; бабочка на щеке нервно затрепетала, ее крылья разгорелись.

– Господи, ты так говоришь, будто мы из них делаем зомби или что похуже. Так, мелкая корректировка, в основном: поменять музыкальные или кулинарные пристрастия, оптимизировать супружескую совместимость. Все обратимо.

– Таблетками не получается?

– Нет. Слишком много приобретенных отличий в строении нервной системы. Мы делаем очень тонкую настройку. И не всегда занимаемся микрохирургией или синапсы поджариваем. Удивись, сколько всего можно перепаять без всяких операций. Можно запустить самые разные каскады, проигрывая определенные звуки в нужной последовательности или показывая изображения в сочетании правильной геометрии и эмоций.

– Новая методика, полагаю?

– Не совсем. Ритм и музыка опираются на тот же принцип. Мы просто превратили искусство в науку.

– Да, но когда?

Без сомнения, недавно. Максимум лет двадцать назад.

– Роберт рассказывал мне о твоей операции. – Она внезапно понизила голос. – Какая-то форма вирусной эпилепсии, правильно? Когда ты был совсем малышом.

Я никогда не просил его держать мою историю в тайне. Какая разница, в конце концов? Я ведь полностью выздоровел. Кроме того, Паг до сих пор убежден, что она случилась с кем-то другим.

– Я подробностей не знаю, – мягко продолжила Челси, – но, судя по всему, неинвазивные методы не сработали бы. Я уверена, у врачей не было другого выхода.

Я попытался подавить мысль и не смог: «Она мне нравится». И тогда почувствовал какое-то незнакомое ощущение, как будто спина расслабилась. Кресло почему-то показалось мне удобнее.

– В общем... – Мое молчание выбило ее из колеи. – Я почти не работаю с той поры, как из-под рынка вышибли опору. Зато из-за профессии приобрела устойчивую привычку к личным контактам, если понимаешь, о чем речь.

– Ага. Паг рассказывал, что ты занимаешься сексом не в виртуале.

Она кивнула:

– Да, я очень старомодная. Ты против?

Я не был уверен. В реале я оставался девственником. Хоть что-то еще связывало меня с цивилизованным обществом.

– В принципе, нет, наверное. Просто мне это кажется... Слишком большие усилия ради незначительной выгоды, понимаешь?

– Еще бы не понять, – она улыбнулась. – Любителей настоящего секса не заретушировать. У них есть всякие потребности и желания, которые не подкорректируешь. Можно ли винить людей, если они отказываются от такого теперь, когда появился выбор. Порой диву даешься, как наши родители вообще сошлись друг с другом...

«Порой диву даешься, почему они сразу не разбежались». Я все глубже погружался в кресло, изумляясь странному и непривычному ощущению. Челси говорила, что дофамин здесь модифицированный. Наверное, дело в нем.

Она склонилась вперед – без жеманства и кокетства, ни на миг не сводя с меня глаз. В длинноволновой мгле я чувствовал лимонный запах от смеси феромонов и химикатов на ее коже.

– Но есть и свои преимущества, когда освоишь азы, – проговорила она. – У тела долгая память. И... ты понимаешь, что у тебя под правой рукой ничего нет, а, Сири?

Я опустил глаза. Указательный палец левой руки поглаживал капельную губку с легким наркотиком, впитывающимся в кожу; правая же, стоило отвести взгляд, повторила это движение, бессмысленно постукивая ногтем по голой столешнице.

Я отдернул руку и признался:

– Небольшой двусторонний тик. Когда отвлекаюсь, тело принимает симметричную позу.

Я ждал шутки или хотя бы недоуменного движения брови. Но Челси кивнула и продолжила:

– Так что, если ты готов, я – тоже. Никогда раньше не путалась с синтетом.

– Можно и с жаргонавтом. Я не гордый.

– Ты всегда точно знаешь, что сказать, – она склонила голову к плечу. – А что значит твое имя?

«Расслабленный» – вот правильное слово. Я чувствовал себя расслабленным.

– Не знаю. Просто имя.

– Этого мало. Если мы собираемся долго обмениваться жидкостями, тебе нужно осмысленное имя.

А мы, как я понял, собираемся. Это решила Челси, пока я витал в облаках. Можно было осадить ее, сказав, что это скверная идея, и извиниться за недопонимание. Но тогда начнутся оскорбленные взгляды, раненые чувства и обиды. В конце концов, если я не был готов, за каким чертом приперся?

Она показалась мне милой, и я не хотел ее обижать. «Ненадолго, – сказал я себе. – Это будет интересный опыт».

– Я буду звать тебя Лебедем, – решила Челси.

– Как большую белую птицу? – уточнил я.

Немножко претенциозно, но могло быть хуже.

Она покачала головой:

– Как черную дыру «Лебедь X-1».

Я специально нахмурился, но совершенно точно понял, что она имеет в виду: темный массивный предмет, пожирающий свет и разрушающий все на своем пути.

– Спасибо огромное, блин. За что?

– Не знаю. В тебе есть что-то мрачное, – Челси пожала плечами и широко улыбнулась. – Но привлекательное. А если дашь чуть-чуть себя подкорректировать, зуб даю, вся твоя суровость исчезнет.

Позднее Паг с неохотой признал, что от этих слов мне стоило насторожиться. Век живи – век учись.

* * *

Вожаки – это фантазеры со слабо развитым инстинктом самосохранения и полным отсутствием адекватной оценки ситуации.

*Роберт Джарвик*²¹

Наш разведчик падал на орбиту, неотрывно глядя на Большого Бена. Мы летели по той же траектории с отставанием на несколько дней, не сводя глаз с зонда. И все мы сидели в чреве «Тезей», пока система закачивала данные телеметрии к нам в имплантаты. Незаменимые, важнейшие, критически необходимые – в ходе первого подлета нас с таким же успехом мог заменить балласт.

Мы пересекли рэлеевскую границу. «Тезей» прищурился и в слабом эмиссионном излучении различил блудный объект галактического гало – ошметок давно забытой галактики Большого Пса, которую Млечный Путь затянул под колеса и размазал по «асфальту» несчетные миллиарды лет назад. Мы приближались к небесному телу, зародившемуся за пределами нашей звездной системы.

Зонд несся вниз и вглубь. Он подобрался к планете достаточно близко, чтобы задействовать усиление четкости. Поверхность Бена высветлилась бурлящим парфе сверхконтрастных полос на алмазно-четком звездном фоне. Что-то посверкивало внизу: слабые искры среди бесконечных туч.

– Молнии? – предположила Джеймс.

Шпиндель покачал головой:

– Метеориты. Должно быть, в окрестностях полно гальки.

– Цвет не тот, – возразил Сараста.

Физически его не было с нами: вампир сидел в своей палатке, подключившись к Капитану. Но КонСенсус позволял ему присутствовать в любом помещении корабля.

В мои имплантаты лилась морфометрия: масса, диаметр, средняя плотность. Сутки Бена длились семь часов двенадцать минут. Вокруг экватора, в полумиллионе километров над верхушками облаков начинался массивный и протяженный аккреционный пояс²², по форме напоминавший скорее бублик, чем плоское кольцо: вероятно, перемолотые тушки раскрошенных в пыль лун.

– Метеориты, – Шпиндель ухмыльнулся. – Я же говорил.

Похоже, что он был прав. Булавочные искорки размазались в яркие эфемерные дефисы, расчертившие атмосферу. Ближе к полюсам в облачных слоях изредка тускло вспыхивали электрические разряды.

Слабое радиоизлучение, пики на волнах 31 и 400 метров. Экзосфера из метана и аммиака; в изобилии литий, вода, угарный газ. В рваных тучах с ними смешиваются сульфид аммония и галиды щелочных металлов. В верхних слоях атмосферы – атомарные щелочные металлы. К этому времени такие детали улавливал даже «Тезей», но зонд подобрался так близко, что можно было различить подробности: бурыми пластами туч под ним клубился уже не диск, а темная выпуклая стена, в толще которой просвечивали слабые линии антрацена и пирена.

Мириады огненных следов от метеоров опалили лик Большого Бена прямо на наших глазах. На миг показалось, что в центре огонька я вижу крошечную черную пылинку, но изобра-

---

²¹ Роберт Джарвик (р. 1946) – американский ученый и врач, работавший над созданием искусственного сердца.

²² Аккреционный пояс (аккреционный диск) – в данном случае зона вблизи газового гиганта, где происходит процесс слияния и роста пылевых частиц.

жение внезапно исполосовали помехи. Бейтс вполголоса выругалась. Картинка размазалась, но, когда зонд перешел на другие частоты, стала отчетливее: не в силах перекричать длинноволновой гам, система переключилась на лазерную связь.

И все равно сигнал заикался. По идее держать его на одной линии было очень просто: «Тезей» и зонд двигались по одинаковым параболическим траекториям, а их взаимное положение можно было точно предсказать в любой момент времени. Однако инверсионный след метеора плясал и скользил по экрану, будто прицел лазерного луча постоянно сбивали крошечные толчки. Раскаленный газ размывал детали. Сомневаюсь, что даже на совершенно неподвижной картинке человеческий глаз мог бы заметить тут какие-то четкие контуры. И все же... Было что-то неправильное в этой крошечной черной точке в сердце гаснущего огонька. Почему-то примитивный отдел моего мозга отказывался признать ее естественной.

Изображение снова дернулось, захлебнулось темнотой и не вернулось.

– Зонд сдох, – сообщила Бейтс. – Поджарило последним пиком. Похоже, натолкнулся на спираль Паркера²³, еще и на сильном ветру.

Мне даже подсказки не понадобилось вызывать. По выражению ее лица и внезапно прорезавшим переносицу складкам было ясно: речь идет о магнитных полях.

– Это... – начала она и осеклась, когда в Консенсусе выскочили цифры: 11,2 тесла²⁴.

– Твою мать, – прошептал Шпиндель. – Точно, что ли?

Сараста издал несколько шелчков – из глубины глотки и корабельных недр. Спустя мгновение он передал нам повтор последних секунд телеметрии: увеличенных, приглаженных, с усиленной контрастностью во всех диапазонах, от видимого света до инфракрасной области. Вот тот же темный осколок, окутанный огнем, а вот полыхающий за ним инверсионный след. Пламя угасало по мере того, как объект отскочил от плотных слоев атмосферы вниз и стал снова набирать высоту. За несколько секунд тепловой след полностью погас. Горевший в центре него предмет тлеющим угольком поднимался обратно на орбиту. На его носу, точно пасть, зияла гигантская воронка. Распухшее брюхо уродовали куцые плавники.

Бен колыхнулся, и все повторилось.

– Метеориты? – сухо съязвила Бейтс.

Никакого понятия о масштабе происходящего картинка не давала.

Эта штука могла быть величиной с муху, а могла – с астероид.

– Размер? – прошептал я за полсекунды до того, как ответ появился перед глазами: четыреста метров по большой оси.

Мы снова смотрели на Большого Бена с безопасного расстояния – темный, мутный диск в носовом видоискателе «Тезея». Но я помнил крупный план: шар, искрящийся черно-серыми огнями; исполосованное шрамами, рябое лицо, бесконечно истерзанное и постоянно исцеляющееся.

Этих штуквин там были тысячи.

«Тезей» содрогнулся по всей длине. То был всего лишь тормозной импульс, но на секунду мне показалось, что я понимаю, каково ему.

* * *

Мы с огромной осторожностью двигались вперед.

С помощью импульса, длящегося девяносто восемь секунд, «Тезей» оторвался от сосца и вышел на широкую дугу, которая при незначительном усилии могла превратиться в замкнутую

---

²³ Спираль Паркера – форма, которую принимает магнитосфера Солнца в результате взаимодействия с солнечным ветром и межпланетной средой.

²⁴ Тесла – единица измерения магнитной индукции.

орбиту или в спешный облет по гиперболе – если местность окажется слишком недружелюбной. Незримый луч «Икара» уплывал прочь по левому борту, расточая неистощимый поток энергии в пустоту. Наш зонтик толщиной с молекулу и размером с город свернулся и сам себя упаковал – до поры, когда корабль снова проголодается. Запасы антиматерии тут же начали таять, и в этот раз мы были живы, пришлось наблюдать за процессом. Пусть потери оказались незначительными, но убывающие цифры на экране все равно тревожили.

Мы могли остаться на помочах и подвесить буюк в телепортационном луче, чтобы тот ретранслировал энергию прямо на корабль.

Сьюзен Джеймс поинтересовалась, почему мы так не сделали.

– Слишком рискованно, – ответил Сараста, но уточнять не стал.

Шпиндель наклонился к Джеймс:

– Ну зачем подставлять им лишнюю мишень, а?

Но мы отправляли вперед зонд за зондом, быстро, с силой сплевывали их, не давая горючего ни на что, кроме торопливого пролета и самоуничтожения. Разведчики не сводили глаз с круживших над Большим Беном аппаратов. «Тезей» издали рассматривал их собственными немигающими и острыми очами. Если ныряльщики, которых мы засекли, и ведали о нашем присутствии, то напрочь его игнорировали: мы следили за ними с дистанции подлета; наблюдали, как они петляют и пикируют по миллиону парабол, под миллионом разных углов. Они никогда не сталкивались – ни друг с другом, ни с каменной лавиной, рокочущей по экватору Бена. На каждом перигее окунались в атмосферу, там вспыхивали, сбрасывали скорость и на ракетной тяге вылетали обратно в космос, сияя остаточным жаром на воздухозаборниках.

Бейтс выхватила кадр из КонСенсуса, отчеркнула главное на переднем конце объекта и вынесла приговор:

– Скрэмджет²⁵.

Меньше чем за два дня мы насчитали больше четырехсот тысяч аппаратов и, судя по всему, засекли почти всех, так как потом частота появления новых объектов сошла на нет, а их общее количество приблизилось к некоей асимптоте. Большинство вращались на короткопериодических орбитах, но Сараста спроектировал модель частотности распределения, согласно которой дальние объекты добирались чуть ли не до Плутона. Даже если бы мы болтались в окрестностях годы, то все равно временами сталкивались бы со свежими брюхоглотами, вернувшимися из затяжной командировки в бездну.

– Самые быстрые на крутом повороте держат за полсотни «же», – обратил внимание Шпиндель. – Мясу такое не сдюжить. Беспилотники.

– Мясо можно укрепить, – заметил Сараста.

– Если в органике будет столько арматуры, то можно не заниматься казуистикой и честно назвать это техникой.

Морфометрические показатели оказались абсолютно идентичны. Четыреста тысяч совершенно одинаковых ныряльщиков. Если в этом стаде и заправлял свой альфа-самец, на вид его было не отличить.

Однажды ночью – в том смысле, в каком на борту могла быть ночь, – я вышел к наблюдательному блистеру на слабый вой терзаемой электроники. Там парил Шпиндель, наблюдал за скиммерами²⁶ – так мы их прозвали. Он затворил броневые створки, скрыв звезды, и на их месте построил маленькую аналитическую берлогу: по внутренней поверхности свода рассыпались графики и окошки, будто не вмещааясь в виртуальное пространство под черепом Шпинделя.

---

²⁵ *Скрэмджет* – гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель.

²⁶ *Скиммер* (англ. to skim) – скользить по поверхности, снимать пену или накипь.

Тактические диаграммы освещали биолога со всех сторон, превращая тело в яркий витраж из мерцающих татуировок. Человек в картинках.

– Заглянуть можно? – спросил я.

Он хмыкнул: мол, да, но особо не настаивай. В пузыре как будто шуршал проливной дождь помех, заглушаемый привлечшим меня визгом.

– Что это?

– Магнитосфера Бена, – он не оглянулся. – Здорово, а?

Синтеты на работе своего мнения не имеют; это сводит к минимуму влияние наблюдателя. В тот раз я позволил себе маленькую слабость.

– Помехи хорошо шумят. А без скрипа можно обойтись?

– Шутишь? Это же музыка сфер, комиссар. Она прекрасна, как старый джаз!

– Джаз я тоже никогда не понимал.

Шпиндель пожал плечами и убил верхние частоты, оставив только шорох дождя. Поддерживающийся от тика глаз Исаака задержался на замысловатой диаграмме.

– Хочешь ударную тему для своих заметок?

– Конечно.

– Лови.

Он ткнул пальцем – и свет радугой блеснул на сенсорной перчатке, словно на крыле стрекозы: спектр поглощения, раз за разом выводимый на дисплей. Яркие пики взмывали и опадали с пятнадцатисекундным интервалом.

Подсказки не дали ничего, кроме длин волн в ангстремах.

– Что это?

– Скиммеры, когда ныряют, пускают газы. Эти сволочи сбрасывают в атмосферу сложную органику.

– Насколько сложную?

– Пока трудно сказать. Следы слабые, рассеиваются в два счета. Но, как минимум, сахара и аминокислоты. Может, белки. Или еще что посложнее.

– Может, жизнь? Микробы? Инопланетный проект терраформирования...

– Смотря как определять жизнь, – заметил Шпиндель. – Там даже дейнококк²⁷ долго не продержится. Но атмосфера большая. Если ребята решили переработать ее с помощью прямых прививок, то, надеюсь, они не очень торопятся.

А если торопятся, работа шла бы намного быстрее с использованием саморазмножающейся затравки.

– На мой взгляд, смахивает на жизнь.

– Больше похоже на распыление удобрений. Засранцы превращают всю планету в рисовое поле размером с Юпитер, – он жутковато ухмыльнулся. – У кого-то ба-а-а-алыной аппетит, а? Невольно начинаешь думать, может, нас уже взяли числом.

* * *

На следующем собрании обсуждали только информацию Шпинделя. Итог подвел вампир.

– Самореплицирующиеся фон-нейманы, г-селекция²⁸, – наглядные пособия плясали на столе. – Семена всплывают и прорастают скиммерами, те, в свою очередь, собирают сырье в аккреционном поясе. Орбиты плывут немного, пояс еще не устоялся.

---

²⁷ Дейнококк (*deinococcus radiodurans*) – бактерия-полиэкстремофил, отличающаяся исключительной устойчивостью к воздействию радиации.

²⁸ Под фон-нейманами здесь имеется в виду «универсальный конструктор» – гипотетическая машина, придуманная Джо-

– А где первоисточник? – заметил Шпиндель. – Никаких следов фабрики по их производству?

Сараста покачал головой:

– Может, она разбирается. Идет на материалы. Или стадо прекращает размножение, достигнув определенной численности.

– Это всего лишь бульдозеры, – напомнила Бейтс. – Будут и жилыцы.

– И, похоже, немало, – добавил Шпиндель. – Мы тут, если чего, и пикнуть не успеем.

– Да они могут еще лет через сто прилететь, – вставила ноту скепсиса Джеймс.

Сараста пощелкал языком.

– По-вашему, именно эти устройства строят светлячков? Объект Бернса – Колфилда?

Вопрос был риторический, но Шпиндель все равно ответил:

– Не представляю, как.

– Значит, этим занимается кто-то другой. И он уже здесь.

Все замолчали. Графы Джеймс плыли и тасовались в тишине; когда она снова открыла рот, на поверхность сознания загадочным образом всплыла ее более молодая ипостась:

– Если они решили устроиться в таком месте, их среда обитания совершенно не похожа на нашу. Это обнадеживает.

Синестет по имени Мишель.

– Белки, – глаза Сараста скрывались за черным визором. – Биохимическая совместимость. Они могут нами питаться.

– Кем бы ни были эти существа, они даже не нуждаются в солнечном свете. Нет соперничества за территории и ресурсы, а значит, и основы для конфликта. Нет никакой причины, по которой мы не смогли бы договориться!

– С другой стороны, – заметил Шпиндель, – технология предполагает агрессию.

Мишель тихо фыркнула:

– Если верить хунте историков-теоретиков, которые никогда в жизни не встречали инопланетян, то да. Может, сейчас нам удастся посадить их в лужу.

В следующий миг она исчезла, проявление смело, как листья на ветру, и его место заняла Сьюзен Джеймс со словами:

– Почему бы нам просто не спросить у них?

– Спросить? – повторила за ней Бейтс.

– Внизу четыреста тысяч роботов. Откуда мы знаем, что они не умеют разговаривать?

– Мы бы услышали, – объяснил Шпиндель. – Это беспилотники.

– Пингануть можно. Особого вреда от этого не будет. Уверенности ради.

– Даже если они разумны, нет ни малейшего повода ждать, что они ответят. Язык и интеллект не так четко коррелируют даже на Зе...

Джеймс закатила глаза:

– Ну почему хотя бы не попробовать?! Мы же явились сюда ради этого. Во всяком случае, я. Дать этот чертов сигнал, и все!

После недолгой паузы эстафету подхватила Бейтс:

– Сюз, с точки зрения теории игр, затея скверная.

– С точки зрения теории игр! – В устах Джеймс это прозвучало как ругательство.

– Лучшая стратегия – зуб за зуб. Они пингуют нас – мы пингуем в ответ. Сейчас мяч на их стороне поля, и если мы отправим еще один сигнал, то можем слишком много выдать.

ном фон Нейманом и способная неограниченно воспроизводить саму себя. *R-селекция* (г-отбор) – процесс отбора в изменчивой среде, способствующий закреплению таких черт, как высокая плодовитость, малый размер, быстрая смена поколений и невысокая выживаемость потомства (так называемая репродуктивная г-стратегия в противоположность к-стратегии, усиливающей обратные черты).

– Я знаю правила, Аманда. По ним выходит, что, если другая сторона не возьмет инициативу на себя, мы будем игнорировать друг друга до конца миссии, потому что теория игр запрещает унижаться.

– Это правило работает, только когда имеешь дело с неизвестным игроком, – объяснила майор. – Чем больше мы узнаем, тем больше у нас появится вариантов.

Джеймс вздохнула.

– Просто... вы все почему-то предполагаете, что они враждебны. Словно нам достаточно что-нибудь передать им по радио, и они на нас набросятся.

Бейтс пожала плечами:

– Осторожность вполне уместна. Пускай я вояка, но не хочу сердить ребят, которые скачут от звезды к звезде и терраформируют коричневых карликов. Никому здесь не надо напоминать, что «Тезей» – не боевой корабль.

Она сказала «никому», а имела в виду Сарасту. Тот, сосредоточившись на своих целях, не ответил. По крайней мере вслух. Его профили изъяснялись другим, неслышим языком и говорили: «Пока нет».

* * *

Бейтс, кстати, была права. Официально «Тезей» проектировался для разведки – не для боя. Несомненно, наши хозяева предпочли бы нагрузить его не только научным оборудованием, но и ионными пушками да ядерными бомбами, но даже теленигилионный топливпровод не мог нарушить третий закон Ньютона. Вооруженный прототип пришлось бы разрабатывать очень долго; из-за тяжелой артиллерии, более массивный, он бы разогнался намного дольше. «Время важнее оружия!» – решили наши господа. Если будет время, то фабрикаторы при необходимости могут построить почти все, что нам нужно. Правда, с нуля воссоздать ионное орудие быстро не получится, и сырье, возможно, придется добывать на астероиде поблизости. Но мы справились бы. Если наши противники согласятся обождать – ради честной игры.

Однако, каковы шансы, что наше лучшее оружие окажется эффективным против интеллекта, сотворившего Огнепад? Если неведомые создатели светлячков враждебны, нам конец, как ни старайся. Пришельцы технологически развиты, и были те, кто заверял, что это по определению делает их враждебными. Технология подразумевает агрессию.

Здесь, пожалуй, требуется пояснение, хотя сейчас оно к делу не относится. После стольких лет немудрено и забыть, с чего все началось...

Жили-были три племени. Оптимисты, чьими святыми покровителями были Саган и Дрейк, верили во Вселенную, кишашую благодушными аборигенами; в духовное братство, которое выше и просвещеннее нас; в великое Галактическое содружество, куда когда-нибудь войдем и мы. «Без сомнения, – говорили Оптимисты, – космические перелеты предполагают миролюбие, ибо требуют контроля над разрушительными силами. Любая раса, не способная подняться над собственными скотскими инстинктами, самоуничтожится задолго до того, как ей будет под силу преодолеть межзвездные бездны».

Напротив Оптимистов жили Пессимисты, преклонявшие колени пред идолищем святого Ферми и сворою его малых присных. Им виделась безлюдная Вселенная, полная мертвых скал и прокариотической слизи. «Шансы очень малы, – настаивали они. – Слишком много блудных планет, слишком высока радиация, а эксцентриситет огромного количества орбит слишком велик. Сам факт существования Земли – это исключительное чудо. Надеяться на их множество – значит оставить рассудок и предаться шаманскому безумию». В конце концов, Вселенной четырнадцать миллиардов лет: если бы в Галактике зародился не один разум, разве его представители не были бы уже рядом с нами?

На равном отдалении от тех и других обитали Историки. Они не слишком задумывались над возможным появлением разумных инопланетян из дальнего космоса. «Если такие и существуют, – говорили Историки, – пришельцы будут не просто умны, а опасны». Такой вывод может показаться очевидным. Что есть история человечества, как не последовательное движение новых технологий, попирающих старые железной пятой? Но в данном случае речь шла не об истории человечества и не о бесчестных преимуществах, которые орудия давали одной из сторон; угнетенные подхватывают совершенное средство уничтожения так же охотно, как угнетатели, – дай им только полшанса! Вопрос заключался в том, откуда вообще взялись орудия, и для чего они нужны.

С точки зрения Историков, орудия создавались с единственной целью: придать существу противоестественные формы. С природой обращались как с врагом, орудия по определению – мятеж против натуры вещей. Технология не выживает и не развивается в благоприятной среде и в культурах, основанных на вере в естественную гармонию. Зачем изобретать термоядерные реакторы, если климат прекрасен, а пища изобильна? Зачем строить крепости, когда нет врагов? Зачем насиловать мир, не представляющий угрозы?

Не так давно человеческая цивилизация могла похвастаться множеством ветвей. Даже в XXI веке отдельные изолированные племена едва додумались до каменных орудий. Некоторые застопорились на сельском хозяйстве. Другие не унимались, пока не покончили с самой природой, третьи – пока не построили города в космосе.

Однако все мы рано или поздно успокаивались. Каждая новая технология стаптывала менее совершенные, карабкаясь к некоей асимптоте довольства, пока не замирала – пока моя родная мать не улеглась личинкой в медовые соты под уход механических рук, лишенная воли к борьбе из-за собственной удовлетворенности.

Вот только история не утверждала, что все должны остановиться вместе с нами. Она лишь предполагала, что остановившиеся переставали бороться за выживание. Могут быть и другие, адские миры, где лучшие творения человечества рассыпались бы, а среда продолжала оставаться врагом; где выживали те, кто сопротивлялся ей острой лопатой и прочной державой. Угроза, которую представляет такая среда, не может быть примитивной. Суровый климат и стихийные бедствия или убивают тебя, или нет, но, если их себе подчинить или же к ним приспособиться, они уходят с повестки дня. Единственные факторы среды, которые никогда не теряют значения, – это те, что сопротивляются: новым подходам противопоставляют наинovelейшие, заставляют противника брать невероятные вершины исключительно ради выживания. В конечном итоге единственный настоящий враг – враг разумный.

А раз лучшие игрушки оказываются в руках у тех, кто никогда не забывает, что жизнь – это война против наделенного разумом противника, что это говорит о племени, чьи машины путешествуют меж звезд?

Резонный довод. Вероятно, он даже принес бы Историкам победу в споре, если бы такие дискуссии когда-либо разрешались на основе аргументов. Заскучавшая аудитория присудила Ферми победу по очкам. Но парадигма Историков была слишком страшна и дарвинистична для народа. Кроме того, интерес пропал. Даже запоздавшие сенсации обсерватории Кэссиди ничего не изменили. Ну и что, если на каком-то шарике в окрестностях Большой Медведицы атмосфера содержит кислород? До него сорок три световых года и планета молчит! Если тебе нужны летающие шандалы и мессии со звезд, на Небесах этого добра навалом. Если нужен тестостерон и стрелковая практика, можно выбрать посмертие, полное злобных инопланетных тварей со сбитым прицелом. Если же сама мысль о нечеловеческом разуме угрожает твоему мировоззрению, можно исследовать виртуальную галактику бесхозной недвижимости, только и ждущей случайно проходящих мимо богобоязненных паломников с Земли.

И все это рядом, по другую сторону спинномозговой розетки, которую легко вставить за четверть часа. Зачем тогда терпеть тесноту и вонь в реальном космическом перелете, чтобы

навестить прудовую слизь на Европе? Так и случилось неизбежное: зародилось четвертое племя, небесное войско, восторжествовавшее над всеми. Племя, которому На Все Класть С Прибором. И, когда на Землю обрушились светлячки, оно не знало, что делать.

Поэтому послали вперед «Тезей», и – в запоздалом почтении к мантрам Историков – вместе с нами отправили солдата (на всякий случай). Было крайне маловероятно, что хотя бы одно дитя Земли выстоит перед теми, кто преодолел межзвездные пространства, если пришельцы окажутся враждебны. И все же я чувствовал, что присутствие Бейтс успокаивает, по крайней мере, человеческую часть команды. Если придется идти врукопашную с недружелюбным тираннозавром, чей интеллект измеряется четырехзначными числами, не мешает иметь под рукой опытного солдата.

В худшем случае она сможет вырубить копье из ветки соседнего дерева.

* * *

– Богом клянусь, если нас всех сожрут инопланетяне, спасибо за это надо сказать секте теории игр, – выпалила Саша.

Она перекусывала на камбузе брикетом кускуса. Я наведалься туда за кофеином. Мы остались более-менее наедине: остальной экипаж разметало от купола до фабрики.

– Лингвисты ей не пользуются?

Некоторые, я знал, не испытывали по этому поводу проблем.

– Мы – нет. – «А остальные – шарлатаны».

– Беда с ней в том, что теория игр предполагает рациональную заинтересованность игроков. Но люди не ведут себя рационально.

– Раньше предполагала, – подтвердил я. – Сейчас учитывается влияние нейросоциологии.

– Нейросоциологии человека, – Саша отгрызла угол брикета и продолжила с набитым ртом: – Теория игр годится только на рациональных игроков вида *Homo sapiens*. Подумай, относится ли она хоть к кому-нибудь из наших новых знакомых?

Саша махнула рукой в сторону таящихся за корабельной обшивкой архетипических пришельцев.

– У нее есть ограничения, – признал я. – Но приходится пользоваться тем, что имеешь. Саша фыркнула.

– То есть, если у тебя нет папки с чертежами, то дом своей мечты ты будешь строить по книге неприличных частушек?

– Может, и нет. Но мне теория игр пригодилась, – добавил я, поневоле оправдываясь. – В самых неожиданных областях.

– Да? Например.

– Дни рождения, – ответил я и сразу пожалел об этом.

Саша перестала жевать. В ее глазах что-то мимолетно блеснуло, словно другие личности навестили уши.

– Продолжай, – заинтересовалась она, и я почувствовал, что ко мне прислушивается вся Банда.

– Ничего особенного. Просто пример.

– Расскажи! – Саша вскинула голову Сьюзен.

Я пожал плечами. Не было смысла раздувать проблему.

– Ну, согласно теории игр, никому нельзя говорить, когда у тебя день рождения.

– Не понимаю.

– Проигрышная ситуация. Нет выигрышной стратегии.

– Что значит «стратегии»? Это же просто день рождения.

Челси, когда я пытался ей объяснить, сказала то же самое.

– Смотри, – говорил я, – предположим, ты всем рассказала, когда у тебя день рождения, и ничего не произошло. Это же оскорбительно.

– Или, предположим, тебе закатили вечеринку, – отозвалась тогда Челси.

– Но ты не знаешь, сделано это искренне или ты своим сообщением пристыдил знакомых, заставил отметить дату, на которую они иначе забили бы. Но, если ты никому не скажешь и никто не отметит твой день рождения, причин обижаться не будет, потому что никто ничего не знал. А если кто-нибудь все же поставит тебе выпивку, ты поймешь: это от чистого сердца. Ведь никто не станет тратить силы на то, чтобы выяснить, когда у тебя день рождения – а потом еще и отмечать его, – если только ты этим людям в самом деле небезразличен.

Конечно, Банда лучше воспринимала такие вещи. Мне не требовалось объяснять все словами, я мог просто обратиться к КонСенсусу и расчертить таблицу результатов: «сказать/не сказать» в столбцах, «отмечали/не отмечали» в строках, неоспоримая черно-белая логика затрат и выгод в самих ячейках. Расчет был неопровержим – единственной выигрышной стратегией являлось умолчание. Только дураки рассказывают про свой день рождения.

Саша покосилась на меня.

– Ты это еще кому-нибудь когда-нибудь показывал?

– Конечно. Своей девушке.

Ее брови поползли вверх.

– У тебя была девушка? Серьезно?

Я кивнул:

– Когда-то.

– В смысле, после того как ты ей это показал?

– Ну... да.

– Ммм, – взгляд Саши скользнул обратно на таблицу результатов. – Чисто из любопытства, Сири: как она к этому отнеслась?

– Никак на самом деле. Поначалу. Потом... долго смеялась.

– Славная женщина. Лучше меня, – Саша покачала головой. – Я бы тебя тут же бросила.

* * *

Моя еженощная прогулка вдоль хребта корабля: восхитительный, дивный полет с единственной степенью свободы. Я проплывал сквозь люки и коридоры, раскидывал руки и кружил в ласковых циклонах вертушки. Бейтс носилась вокруг меня, отбивая отлетающий от переборки и контейнеров мячик, изгибаясь, чтобы поймать каждый крученный рикошет в кривом поле псевдотяготения. Потом ее игрушка отскочила от лестницы куда-то в сторону, и майорская ругань преследовала меня до самого игольного ушка, ведущего из склепа в рубку.

Я затормозил у самого порога, меня остановили негромкие звуки голосов.

– Конечно, они прекрасны, – пробормотал Шпиндель. – Это же звезды.

– И, подозреваю, ты хотел бы любоваться ими не в моем обществе, – отозвалась Джеймс.

– Твой номер второй. Но у меня свидание с Мишель.

– Она не предупредила.

– Она не обязана тебе докладывать. У нее спроси.

– Эй, это тело исправно принимает антисекс. А вот про твое не знаю.

– Не надо пошлить, Сюз. Эрос – не единственный вид любви, а? Древние греки признавали четыре.

– То-очно, – определенно сказала уже не Сьюзен. – Бери пример с компании педерастов.

– Саша, твою мать! Я всего-то прошу пару минут наедине с Мишель, пока надсмотрщик отвернулся...

- Изя, это и мое тело тоже. Хочешь и мне пыль в глаза пустить?
- Я хочу поговорить! Наедине. Я так много прошу?
- Я услышал, как Саша втянула воздух. И как Мишель выдохнула.
- Извини. Ты знаешь Банду.
- Слава Богу! Всякий раз, как я прошу тебя отпустить, то как будто медосмотр прохожу.
- Тогда тебе повезло, ты им нравишься.
- По-моему, тебе пора устроить переворот.
- Ты всегда можешь подселиться к нам.
- Послышался шорох нежного прикосновения.
- Ты как? – спросил Шпиндель. – В порядке?
- Неплохо. Кажется, привыкла заново жить. А ты?
- Я, сколько ни пролежу в гробу, так и останусь калекой.
- Ты молодец.
- Да ну? Мерси... Стараюсь.
- Короткая пауза. Тихонько бурчит себе под нос «Тезей».
- Мама была права, – проговорила Мишель. – Они прекрасны.
- Что ты видишь, когда смотришь на них? – И, спохватившись: – Я хочу сказать...
- Они... колючие, – отозвалась Мишель. – Поверну голову – и словно ленты тоненьких иголочек прокатываются по коже. Но не больно, только щиплет. Почти как электричество. Приятно.
- Жалко, я так не умею.
- У тебя есть интерфейс. Просто подключи камеру вместо зрительной коры к теменной доле.
- И узнаю, как ощущает зрение машина, так? Не то, как его ощущаешь ты.
- Исаак Шпиндель, ты – романтик.
- Не-а.
- Ты не хочешь знать – ты хочешь сохранить тайну.
- Если ты не заметила, у нас на руках уже больше тайн, чем мы в состоянии удержать.
- Да, но с этим ничего не поделаешь.
- Как сказать... Глазом моргнуть не успеешь – и у нас будет работы по уши.
- Думаешь?
- Об заклад бьюсь, – отозвался Шпиндель. – Пока же мы только издали подглядывали, так? А вот когда спустимся и поворошим палкой, начнется самое интересное.
- Для тебя – может быть. В этой каше должно быть что-то живое, раз там столько органики.
- Само собой. Ты будешь с ними болтать, я – брать у них анализы.
- Может, и нет. Я что хочу сказать: мамуля в этом не признается никогда, но насчет языка ты в чем-то прав. По сути он – уловка, трюк. Все равно, что описывать сновидения дымовыми сигналами. Язык великолепен, благороден – ничего лучше человеческого тела, наверное, не может совершить. Однако нельзя без потерь превратить закат в цепочку похрюкиваний. Язык ограничивает. Может, те, кто обитает внизу, им вовсе не пользуются?
- Куда же они денутся?
- С каких пор такие мысли? Ведь ты обожаешь нам указывать, насколько неэффективная штука язык.
- Только когда пытаюсь тебя достать. Или достать до твоих прелестей. – Он усмехнулся собственной шутке. – А серьезно, чем еще они могут пользоваться? Телепатией? Мне кажется, ты охнуть не успеешь, как тебя иероглифами засыплет с головой. И что еще лучше, ты расколешь их в два счета.

– Ты такой милый... но вряд ли. Я даже Юкку через раз не могу расшифровать, – Мишель примолкла на секунду. – Временами он меня... ну... доводит.

– Тебя и еще семь миллиардов человек.

– Ага. Знаю, это глупо, но, когда его нет рядом, я краем глаза постоянно высматриваю, где он прячется. А когда он стоит прямо передо мной, мне хочется куда-нибудь убежать.

– Он же не виноват, что у нас от него мурашки по коже.

– Знаю. Но боевого духа это не прибавляет. Какому такому гению пришла в голову идея поставить тут главным вампира?

– А куда его еще девать? Или ты хочешь им командовать?

– Дело даже не в том, как он двигается, а в том, как говорит. Как-то совершенно неправильно.

– Ты же знаешь, он...

– Я не про настоящее время или смычные звуки. Юкка... ты же слышал, как он изъясняется. Кратко.

– Так эффективнее.

– Это напускное, Исаак. Он умнее всех нас, вместе взятых, а выражается порой так, будто его словарный запас состоит из полсотни слов, – она тихо фыркнула. – Одно-два прилагательных в месяц его не убили бы.

– А-а! Ты так говоришь потому, что ты – лингвист и не понимаешь, как можно не погрязнуть в красотах языка, – Шпиндель откашлялся с напускной серьезностью. – А вот я – биолог, и для меня все очевидно.

– Да ну? Тогда объясни мне, о мудрый и всеславный потрошитель лягушек!

– Все просто. Кровосос – мигрант, а не резидент.

– Что за... А, ты про косаток, да? Диалекты языка свистов?

– Я сказал – забудь про лингвистику и подумай об образе жизни. Резиденты питаются рыбой, так? Они тусуются большими стаями, на одном месте и постоянно треплются, – я уловил шорох движения и представил, как Шпиндель, склонившись, кладет руку на плечо Мишель. Как сенсоры в перчатках подсказывают ему, какова она на ощупь. – А вот мигранты жрут млекопитающих: тюленей, морских львов – сообразительную добычу. Достаточно сообразительную, чтобы смыться, услышав всплеск плавника или серию щелчков. Поэтому мигранты хитрят, охотятся маленькими группами по всей территории, а пасть держат на замке, чтобы никто не услышал их загодя.

– И Юкка – мигрант?

– Инстинкты этого парня требуют, чтобы он скрывался от добычи. Всякий раз, когда он открывает рот и позволяет себя заметить, ему приходится воевать с собственным спинным мозгом. Может, не стоит быть слишком суровыми к старику лишь потому, что он не лучший в мире демагог, а?

– Всякий раз на инструктаже он борется с желанием нас сожрать? Очень обнадеживает. Шпиндель тихо рассмеялся.

– Не так все страшно. Думаю, наевшись, даже косатки расслабляются. Зачем таиться на полный желудок?

– Значит, он не сражается с собственным спинным мозгом, а просто не голоден.

– Одно другого не исключает. Знаешь, мозг никогда не спит. Но я тебе вот что скажу, – игривые нотки в голосе Шпинделя пропали. – Если Сараста решает провести совещание из своей каюты, меня это не напрягает. Но, если мы вообще перестанем с ним сталкиваться, тогда наступит пора держаться спиной к стене.

* * *

Вспоминая тот эпизод, могу, наконец, сознаться: я завидовал способности Шпинделя обращаться с дамами. Битый-резаный, неуклюжее чучело из судорог и спазмов, едва чувствующее собственную кожу, он каким-то образом ухитрялся оставаться... обаятельным. Это самое точное слово! Данное качество устарело с точки зрения социальной необходимости, сошло на нет вместе с парным неvirtуальным сексом. Но последним даже я занимался, и было бы здорово при необходимости владеть самоуничжительным даром Шпинделя. Особенно когда наши с Челси отношения стали трещать по швам.

Конечно, у меня был свой стиль, я пытался казаться обаятельным на свой лад. Как-то после очередной ненужной ссоры по поводу честности и эмоциональной манипуляции я подумал, что легкое чувства юмора поможет загладить разрыв. Мне уже приходило в голову, что Челси просто не разбирается в межполовых отношениях. Да, она зарабатывала на жизнь коррекцией мозгов, но, скорее всего, лишь заучила схемы проводки, не задумываясь, откуда те появились и какие правила естественного отбора их сформировали. Возможно, Челси искренне не понимала, что мы с ней – эволюционные враги, и любые связи обречены рваться. Если бы я мог вложить это озарение в ее голову – очаровав, проскользнуть сквозь ее защиту – вероятно, мы смогли бы удержаться вместе.

Поразмыслив, я придумал идеальный способ просветить Челси. Написал сказку на ночь, обезоруживающую весельем и глубоким чувством, и назвал ее

Книга овогенеза.

В начале были гаметы. И хотя уже явилось половое размножение, пола не существовало, всякая жизнь пребывала в равновесии.

И сказал Бог: «Да будет Сперматозоид!» – и усохли одни половые клетки, и стали дешевы, и заполонили рынок.

И сказал Бог: «Да будет Яйцеклетка!» – и великим множеством напали Сперматозоиды на другие половые клетки. И плоды из них приносили немногие, ибо не заботился Сперматозоид о пропитании зиготы малой, и только самые запасливые Яйцеклетки были способны возместить недостачу. С течением времен они становились все больше.

И поместил Господь Яйцеклетки в утробу, и заповедовал: «Здесь пребывайте, ибо на недвижимость обрекла вас величина ваша. Так пусть же Сперматозоид стремится к вам в палатах ваших. Отныне да будете вы оплодотворяться внутренне», – и стало так.

И сказал Господь гаметам: «Плоды слияния вашего да обитают пусть во средах всяких и облик всякий принимают. Пусть дышат они воздухом, и водою, и сернистой грязью источников гидротермальных. Но заповеди моей единственной не забывайте, неизменной от начала времен: распространяйте гены свои».

Так явились в мир Сперматозоид и Яйцеклетка. И сказал Сперматозоид: «Мал я и многочислен, и заповедь Господню исполню верно, коли рассеюсь повсюду. Стану я вечно искать новых партнеров и оставлять их в тягости, ибо многочисленны чрева, а время быстротечно». Но молвила Яйцеклетка: «Бремя размножения тяготит меня. Суждено мне вынашивать плоть, лишь наполовину мою, нести и кормить ее, даже когда та покинет палаты мои», – ибо к тому часу многие тела Яйцеклетки наделены были теплой кровью и мягкой шерстью. «Малочисленны дети мои, и должна я посвятить им себя и защищать от напасти. Так пусть же поможет мне в том Сперматозоид, ибо в том его вина. И пускай он стремится от объятий моих, не дозволю я ему блудить и возлежать с конкурентками моими».

И не понравилось то Сперматозоиду.

И улыбнулся Господь, ибо заповедь его вовлекла Сперматозоид и Яйцеклетку в войну друг с другом, коя не прекратится до того дня, когда оба они станут рудиментами.

Однажды сумрачным вечером во вторник я подарил Челси цветы. Припомнил нелепую старинную традицию – преподносить в качестве совокупительного дара отрезанные гениталии другого вида. А когда мы собрались заняться сексом, рассказал ей эту историю. По сей день не знаю, что пошло не так...

* * *

Стеклянный потолок всегда в тебе.

Стеклянный потолок – это сознание.

Джейкоб Хольцбринк. Ключи к планете²⁹

До нашего отлета с Земли ходили слухи о четвертой волне: будто за нами по пятам следует флот космических дредноутов – на случай, если пушечное мясо в авангарде столкнется с чем-то скверным. Или посольский фрегат с кучей политиков и бизнесменов, готовых орудовать локтями, но пробиться в первые ряды, если инопланетяне окажутся дружелюбными. Неважно, что на Земле не было ни космических дредноутов, ни посольских кораблей; «Тезея» до Огнепада тоже не существовало. Никто не сообщал нам о таких планах, но ведь солдатам на передовой никогда не объясняют общую картину: чем меньше они знают, тем меньше могут выдать.

Я до сих пор не в курсе, существовала ли четвертая волна. Никаких признаков ее приближения я не замечал, если мои наблюдения, конечно, чего-то стоят. Может, мы оставили их барахтаться по дороге к объекту Бернса – Колфилда. А может, они следовали за нами до самого Большого Бена, подкрались достаточно близко, чтобы понять, с чем мы столкнулись, и унесли ноги, когда стало жарко.

Мне любопытно, что случилось на самом деле и добрались ли они до дома.

Оглядываюсь – и надеюсь, что нет.

Под ребра «Тезею» врезалась железная туша. Низ качнулся точно маятник. Шпиндель в другом конце вертушки вскрикнул, словно обжегшись. Я едва не ошпарился – вскрывал в кубрике грушу с горячим кофе.

«Ну, началось! – подумал я. – Мы подошли слишком близко, и они открыли огонь».

– Какого?..

На общей линии вспыхнул огонек – Бейтс подключилась из рубки.

– Только что врубился маршевый. Меняем курс.

– Куда? Зачем? Кто приказал?

– Я, – ответил Сараста, показавшись в дверях.

Все замолчали. Сквозь кормовой люк в вертушку просачивался скрежет. Я пинганул систему промразверстки «Тезея»: фабрика перенастраивалась на массовое производство легированной керамики.

Радиационная защита. Твердый, плотный материал, массивный и очень простой, в отличие от управляемых магнитных полей, на которые мы обычно полагались.

Из своей палатки, моргая спросонья, выбралась Банда.

– Какого хрена? – проворчала Саша.

– Смотрите!

Сараста потянулся к КонСенсусу и встряхнул его.

---

²⁹ Источник вымышленный.

Не инструктаж – ураган: гравитационные колодцы и орбитальные траектории, симуляции касательного напряжения в аммиачно-водородных грозowych тучах; стереоскопические ландшафты, погребенные под фильтрами всех длин волн от радио- до гамма-излучения. Я видел точки излома, точки перегиба и нестабильные равновесия; складки катастроф в пятимерном пространстве. Нарастивания с трудом переваривали такой объем информации, а биологический полумозг с трудом осознавал краткое резюме.

Там, внизу, на самом виду, что-то пряталось.

Аккреционный пояс Бена вел себя скверно, но простым глазом его хулиганство было не заметить. Сарастии пришлось проанализировать траектории чуть ли не всех планетезималей³⁰, камней и крупинок. И ни он, ни их с Капитаном совместный интеллект не могли назвать эту круговерть следствием некоего давнего возмущения. Пыль не оседала; ее часть маршировала по указке чего-то, что даже сейчас протягивало невидимую руку с вершин облачного слоя и срывало обломки с орбиты.

Не все обломки находили цель. Экваториальный пояс Бена постоянно мерцал практически мимолетными метеорными вспышками, гораздо более слабыми, чем яркие следы скиммеров. Однако все упавшие камни не вписывались в распределение частот. Казалось, временами отдельные куски орбитального мусора просто выпадают в параллельную вселенную, или что-то проглатывает их в нашей. Объект вращался вокруг Бена с периодом в сорок часов; так низко, что едва не касался атмосферы, и не был замечен ни в видимом свете, ни в инфракрасном, ни в радио диапазоне. Он остался бы нашей фантазией, если бы один из скиммеров огненным следом не прожег под ним атмосферу прямо на глазах у «Тезея».

Этот кадр Сарастии зафиксировал и увеличил: яркий инверсионный след пересекал наискось вечную ночь Бена, на полпути неожиданно сползал на пару градусов левее и возвращался в прежнее положение, практически выходя из поля зрения корабля. На снимке виднелся луч застывшего света, а посередине хорошо просматривался сегмент. Там, где скиммер отклонился в сторону примерно на ширину волоса.

Сегмент длиной девять километров.

– Вот замаскировался, – ошарашенно пробормотала Саша.

– Не слишком удачно, – Бейтс вынырнула из переднего люка и поплыла по ходу вращения корабля. – В отраженном свете предмет вполне прилично виден, – на полпути к палубе она зацепилась за перила лестницы, по инерции развернулась ногами вниз и опустилась на ступеньки. – Почему мы не засекли его раньше?

– Слабая освещенность, – предположил Шпиндель.

– Но дело же не только в инверсионных следах. Посмотри на тучи, – действительно, на облачном покрове Бена можно было различить такие же еле заметные искажения.

Бейтс ступила на палубу и шагнула к столу:

– Следовало раньше заметить.

– Остальные зонды артефакта не наблюдают, – отметил Сарастии. – А этот приближается под более широким углом: двадцать семь градусов.

– Углом к чему? – переспросила Саша.

– К линии, – пробормотала Бейтс, – между ними и нами.

На тактической диаграмме все видно: «Тезей» падал к планете по предсказуемой дуге, но сброшенные нами зонды не замораживались гомановскими орбитами³¹ – они мчались отвесно вниз, всего на пару градусов отклоняясь от гипотетической линии, соединяющей корабль с центром Большого Бена.

---

³⁰ *Планетезимали* – небольшие тела из льда и камня диаметром от нескольких метров до нескольких километров, образующиеся в кольцевых облаках газа и пыли.

³¹ *Гомановские орбиты (трансферные орбиты Гомана – Ветчинкина)* – эллиптические орбиты, позволяющие переходить с одной круговой орбиты на другую с минимальными энергетическими затратами.

Кроме одного. Он зашел со стороны и разоблачил фокус.

– Чем дальше от нашего курса, тем очевиднее расхождение, – нараспев произнес Сараста. – Полагаю, в плоскости, перпендикулярной траектории движения «Тезея», объект виден отчетливо.

– Значит, мы в слепом пятне? Увидим его, если сменим траекторию?

Бейтс покачала головой.

– Это слепое пятно движется, Саш. Оно...

– Отслеживает нас, – Саша втянула воздух сквозь зубы. – С-сука.

Шпиндель вздрогнул.

– Так... что это такое? Наша фабрика скиммеров?

Пиксели стоп-кадра зашевелились. Из буйных вихрей и облачных завитушек атмосферы прорезалось нечто зернистое и невнятное. Всюду кривые, шипы и ни одной ровной линии; не определить, что в форме объекта настоящее, а что – фрактальное влияние облачного слоя внизу. Общими очертаниями он походил на тор или сборище мелких угловатых предметов, нагроможденных неровным кольцом. К тому же пришелец обладал колоссальными размерами: девять километров поплывшего инверсионного следа едва коснулись периметра объекта, срезав сорок или пятьдесят градусов дуги. Эта штукавина, скрытая в тени десяти Юпитеров, имела в диаметре почти тридцать километров.

Корабль прекратил ускорение где-то посреди доклада Сарасты. Низ и верх вернулись на свои места. А мы – нет. До этого еще сомневались, думали, может, надо, может, нет, но теперь это осталось в прошлом; мы взяли курс на цель и плюнули на возможные опасности.

– Э, оно размером тридцать кэмэ, – напомнила Саша. – И невидимое. Разве нам не стоит вести себя осторожнее?

Шпиндель пожал плечами.

– Если бы мы могли предугадывать решения вампиров, они бы нам не потребовались, так?

Пакет данных развернулся новой гранью. Гистограммы частотного распределения и спектральные гармоники раскрылись плывущими горными хребтами, целым оркестром видимого света.

– Модулированный лазерный луч, – доложила Бейтс.

Шпиндель поднял голову:

– Оттуда?

Бейтс кивнула:

– Сразу, как мы его раскололи. Интересное совпадение.

– Устрашающее, – пробормотал Шпиндель. – Как они узнали?

– Мы сменили курс. Идем прямо на них.

Световое шоу стучалось к нам в окна.

– Что бы это ни было, – вымолвила Бейтс, – оно с нами разговаривает.

– Ну тогда, – заметил приятный голос, – без сомнения, нам следует поздороваться.

У руля вновь стояла Сюэзен Джеймс.

* * *

Я остался единственным наблюдателем.

Остальные занимались делом – каждый своим. Шпиндель прогонял отслеженный Сарасты смутный силуэт через серию фильтров, надеясь выжать из вида техники хоть какие-то сведения о биологии ее создателей. Бейтс сравнивала морфологию замаскированного объекта и скиммеров. Сараста наблюдал за всеми нами с высоты и думал свои вампирские думы; столь

глубокие, что мы даже не надеялись с ним сравняться. Но все это была суета, ведь к рампе вышла Банда четырех под талантливым руководством Сьюзен Джеймс.

Она подхватила ближайшее кресло, опустила в него и подняла руки, будто собралась дирижировать. Ее пальцы металась в воздухе, играя на виртуальных иконках; губы и челюсть подергивались от произнесенных команд. Я подключился к ее каналу и увидел, как сигналы чужаков обрастают текстом:

«Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.:
«Привет, „Тезей“».

«Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.:
«Привет, „Тезей“».

«Роршах» вызывает судно, приближа...

Она расшифровала чертов сигнал. Уже! И даже ответила:

«Тезей» – «Роршаху»: «Привет, „Роршах“».

«Привет, „Тезей“: Добро пожаловать в наши края».

Она расколола его меньше, чем за три минуты. Или, вернее, они раскололи его меньше, чем за три минуты: четыре расщепленные личности, полностью независимые друг от друга, и несколько дюжин подсознательных семиотических модулей; все – действующие параллельно и высеченные с дивной ловкостью из одного куска серого вещества. Я даже стал понимать, почему кто-то сознательно идет на такое насилие над собственным рассудком. Какие результаты! До этого момента я не был уверен, что согласился бы на подобное даже ради спасения собственной жизни.

«Просим разрешения на сближение», —

отправила сообщение Банда четырех. Просто и открыто: только факты и данные, больше ничего, как можно меньше места для двусмысленности и недопонимания. Причудливые концепции вроде «мы пришли с миром» подождут. Первый контакт – не время для культурного обмена.

«Вам стоит держаться подальше. Серьезно. Это опасное место».

Это привлекло внимание. Бейтс и Шпиндель после минутного колебания выглянули из своих рабочих пространств в виртуальность Джеймс.

«Запрашиваем данные о характере опасности», —

отправила сообщение Банда. Мы по-прежнему держались конкретных тем.

«Слишком близко и опасно для вас, трудности на низких орбитах».

«Просим информацию по трудностям на низких орбитах».

«Обстановка летальная. Метеориты и радиация. Как хотите. Я справляюсь, но нам так нравится».

«Нам известно о метеоритной угрозе. Мы оснащены средствами защиты против радиации. Просим информацию о других опасностях».

Не удовлетворившись переводом, я решил посмотреть на оригинал. Судя по цветовой кодировке, «Тезей» преобразовал часть входящих сигналов в звуковые волны. Значит, голосовая связь. Они с нами разговаривали! Под бегущими символами таились нагие звуки инопланетной речи.

Конечно, я не устоял.

– Между друзьями – сколько угодно. Вы тут из-за праздника?

Английский. Мужской голос. Старческий.

– Мы – исследователи, – ответила Банда, хотя голос принадлежал «Тезею». – Должны установить диалог с существами, направившими объекты в околосолнечное пространство.

– Первый контакт – подходящая причина для праздника.

Я дважды проверил источник информации. Нет, это был не перевод. Я слышал реальный, необработанный сигнал, исходящий с... «Роршаха», как оно себя называло. Во всяком случае, часть передачи, поскольку луч содержал и другие, неакустические элементы. Я проглядывал, какие именно, когда Джеймс заговорила:

– Запрашиваем информацию о вашем празднике. Стандартный межкорабельный протокол установления связи.

– Вам интересно? – Теперь голос стал сильнее, моложе.

– Да.

– Правда?

– Да, – терпеливо повторила Банда.

– Кто ты?

Мимолетное колебание.

– Говорит «Тезей».

– Это я знаю, источник, – теперь по-китайски. – Кто ты? – Голос не изменил тональность, но каким-то образом стал неумовимо жестче.

– Говорит Сьюзен Джеймс. Я...

– Тебе здесь не понравится, Сьюзен. Все дело в фетишистских религиозных верованиях. Тут проводят опасные ритуалы.

Джеймс пожевала губу.

– Просим разъяснений. Ритуалы представляют для нас опасность?

– Безусловно, могут.

– Просим разъяснений. Опасны ритуалы или среда на низких орбитах?

– Среда нарушений. Следует быть внимательнее, Сьюзен. Невнимательность подразумевает безразличие, – передал «Роршах». И миг спустя добавил: – Или неуважение.

* * *

У нас оставалось четыре часа, прежде чем Большой Бен заслонит объект. Четыре часа непрерывного, безостановочного общения, оказавшегося гораздо проще, чем мы предполагали. Оно говорило на земном языке и регулярно выражало вежливую озабоченность нашим благополучием. И все же, несмотря на бойкую речь, практически ничего о себе не рассказало. За четыре часа объект умудрился не дать прямого ответа ни на один вопрос ни по одной теме, если не считать крайнее нежелание вступать с нами в тесный контакт. К моменту, когда наступило затмение, мы так и не выяснили, почему.

В середине разговора на палубу свалился Сараста. Его ноги не касались лестницы. Вампир протянул руку и вцепился в поручень, чтобы избежать падения; слегка пошатнулся. Если бы такой трюк вздумал провернуть я, закончил бы плачевно, летал бы по отсеку, как галька в бетономешалке.

Он же замер статуей до конца сеанса связи. Лицо каменное, глаза скрыты за обсидиановым забралом очков. Когда сигнал с «Роршаха» оборвался на полупhrase, вампир жестом созвал нас к общему столу.

– Оно разговаривает, – произнес он.

Джеймс кивнула:

– Объект практически не дает нам информации, лишь просит держаться на расстоянии. До сих пор голос принадлежал взрослому мужчине, хотя его возраст несколько раз менялся.

Это Сараста и сам слышал.

– Структура сигнала?

– Межкорабельные протоколы выполнены идеально. Словарный запас объекта довольно обширный, такой не реконструируешь, подслушав стандартный пилотский треп за несколько рейсов. Скорее всего, они отслеживают весь наш внутрисистемный трафик – я бы сказала, в течение нескольких лет. С другой стороны, наблюдая за средствами массовой информации, они могли бы накопить словарный запас побольше. Поэтому, вероятно, прибыли к нам уже после эпохи радиовещания.

– Насколько уверенно они пользуются нашим языком?

– Владеют грамматикой, строят фразы, поддерживают внутритекстовую зависимость. Глубина рекурсии по Хомскому³² – не меньше четырех, и я не вижу причин, по которым она не может стать еще больше при продолжительном контакте. Они не поугай, Юкка, знают правила. Взять хотя бы имя...

– «Роршах», – пробормотала Бейтс, под хруст костяшек стискивая свой любимый мячик. – Интересный выбор.

– Я проверила список кораблей. На марсианской петле есть анкат³³ – грузовик с таким названием. То, что говорило с нами, должно быть, относится к своему объекту, как мы – к космическому кораблю, и название подобрало соответствующее.

В соседнее со мной кресло рухнул Шпиндель, только что с камбуза. Груша с кофе колыбалась в его руке точно желе.

– Именно это название, из всех кораблей в Солнечной системе? Слишком символично для случайно выбранного имени.

– Не думаю, что их выбор случаен. Необычное название вызывает комментарии; пилот «Роршаха» выходит на связь с другим кораблем, в ответ слышит: «Ничего себе! Интересное у тебя имечко», – и начинает импровизировать, попутно вспоминая историю происхождения имени, а сам разговор продолжается в эфире. Тот, кто слышит эту болтовню, может не только уловить название и предмет, к которому оно относится, но и по контексту отчасти понять значение. Вероятно, наши инопланетные друзья перебрали таким образом половину реестра и решили, что для неведомого объекта лучше подойдет название «Роршах», чем, допустим, космолет «Джейми Мэтьюз».

– Территориальны и умны. – Шпиндель поморщился, вытаскивая кружку из-под кресла. – Шикарно!

Бейтс пожала плечами.

---

³² Согласно теории Ноама Хомского, ключевым отличием языка («дара речи» в узком понимании) от всех других форм коммуникации является рекурсия – способность формулировать высказывания, включающие сами себя. Глубина рекурсии – количество вложенных друг в друга рекурсивных высказываний.

³³ *Анкат* – термоядерный реактивный двигатель, использующий антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

– Территориальны – может быть. Но необязательно агрессивны. Я вообще сомневаюсь, что они смогут причинить нам вред. Даже если захотят.

– А я нет, – отрубил Шпиндель. – Эти их скиммеры...

Майор отмахнулась:

– Большие суда маневрируют медленно. Если они решат поиграть с нами в бильярд, мы узнаем об этом заранее. – Она окинула нас взглядом. – Послушайте, неужели только мне одной это кажется странным? Они обладают технологиями межзвездного масштаба, позволяющими проводить косметический ремонт газовых гигантов и строить метеориты как цирковых слонов, и, тем не менее, прячутся? От нас?

– Если только рядом нет кого-то еще, – неуверенно предположила Джеймс.

Бейтс покачала головой:

– Маскировка была направленной. Пришельцы прятались именно от нас, а не от кого-то другого.

– И даже мы их раскусили, – добавил Шпиндель.

– Именно! Так что они переходят к плану «Б», который пока сводится к блефу и невнятным угрозам. Я хочу сказать, что они ведут себя явно не как великаны. Поведение «Роршаха» кажется... импровизацией. По-моему, они нас не ждали.

– Ну да, конечно! Объект Бернса – Колфилда был...

– Пока не ждали.

– А, – выдавил Шпиндель, переваривая ее слова.

Майор провела ладонью по бритому затылку.

– С какой стати им считать, будто мы просто так повернем назад, узнав, что нас надули? Конечно, мы начнем поиски. Объект Бернса – Колфилда, скорее всего, задумывался как временная мера; на их месте я бы сразу планировала, что мы сюда доберемся рано или поздно. Но они, по-моему, просчитались. Мы явились раньше предполагаемого времени и застали врага со спущенными штанами.

Шпиндель вскрыл грушу и вытряхнул ее содержимое в кружку.

– Для таких умников не слишком ли большой просчет, а? – От соприкосновения с дымящейся жидкостью на кружке расцвела голограмма, слабым сиянием напоминая эпицентр атомного взрыва в Газе. Вертушку заполнил аромат пластифицированного кофе. – Особенно после того, как они нас картировали с точностью до метра.

– Ну и что они видели? Анкат-приводы? Солнечные паруса? Корабли, которые будут годами добираться до пояса Койпера и лишены запасов топлива, чтобы отправиться дальше. Теленигиляция на тот момент существовала только на симуляторах «Боинга» и в виде полуджины прототипов. Заметить нелегко. Должно быть, они решили, что одной обманки хватит и теперь у них столько времени, сколько нужно.

– Для чего? – спросила Джеймс.

– Для чего нужно, – отрезала Бейтс. – Так что мы оказались в первых рядах.

Шпиндель отсалютовал ей кружкой в нетвердой руке и сделал глоток. Кофе колыхался в темнице, под квелым тяготением вертушки коричневая поверхность шла волнами и горбами. Джеймс еле заметно, но неодобрительно поджала губы. Технически открытые сосуды для жидкостей в зонах переменной гравитации запрещались даже людям, не страдавшим, как Шпиндель, проблемами с координацией.

– Значит, они блефуют, – протянул он наконец.

Бейтс кивнула.

– Я считаю, «Роршах» еще недостроен. Возможно, мы имеем дело с автоматической защитной системой.

– Значит, на таблички «По траве не ходить» можно не обращать внимания? Ломиться напрямую?

– Мы можем дожидаться удачного момента и не давить на них.

– А... То есть сейчас мы могли бы с ним управиться, но ты хочешь подождать, пока «Роршах» из незаметного превратится в неуязвимого. – Шпиндель вздрогнул и отставил кофе. – Где тебе погоны давали? В академии равных возможностей?

Бейтс пропустила подкол мимо ушей.

– Лучшей причиной оставить «Роршах» в покое может быть именно то, что он до сих пор растет. Мы понятия не имеем, как может выглядеть... взрослая, наверное... да, взрослая форма объекта. Да, он скрывался от нас. Многие животные, вполне безобидные, прячутся от хищников. Особенно детеныши. Да, он... отвечает уклончиво. Не дает ответов, которых мы ждем. А вам не приходило в голову, что он не знает ответов? Вы смогли бы допросить человеческий эмбрион? Взрослая особь может вести себя совсем иначе.

– Взрослая особь может нам жопу на уши натянуть.

– Эмбрион с тем же успехом может навалить «Тезею» по полной. – Бейтс закатила глаза. – Господи, Исаак, ты же биолог! Не мне тебе напоминать, сколько пугливых зверюшек огрызается, если загнать их в угол. Дикобраз на ссору не напрашивается, но если пропустишь предупреждение мимо ушей, получишь полную морду иголок.

Шпиндель молча отодвинул кружку в сторону по вогнутому столу, так далеко, как мог дотянуться. Жидкость не выливалась: темный кружок остался параллелен кромке поверхности, только слегка наклонился в нашу сторону. Мне даже показалось, что я могу уловить еле заметный прогиб поверхностной пленки. Исаак слегка улыбнулся, глядя на произведенный эффект.

Джеймс откашлялась:

– Я ни в коей мере не преуменьшаю твоих опасений, Исаак, но мы еще не исчерпали все возможности дипломатического пути. «Роршах», по крайней мере, согласен общаться с нами, хотя и не так откровенно, как хотелось бы.

– Ну да, он разговаривает, – согласился Шпиндель, не отрывая глаз от перекошенной кружки. – Но не как мы.

– Нет, конечно. Есть некоторые...

– Он не просто увиливает от ответов, а временами жутко косноязычен. Заметила? И путается в местоимениях.

– Ну, если учитывать, что язык он освоил исключительно методом пассивного подслушивания, «Роршах» на удивление красноречив. По моим наблюдениям, они обрабатывают речевые сигналы гораздо эффективнее, чем мы.

– Это точно! Чтобы так юлить, чужой язык надо знать в совершенстве.

– Будь они людьми, я бы с тобой согласилась, – ответила Джеймс. – Но то, что нам кажется обманом или уловкой, так же легко объясняется опорой на малые концептуальные единицы.

– Концептуальные единицы?

Бейтс, как я начал понимать, никогда не требовала пояснений от КонСенсуса, если этого можно было избежать. Джеймс кивнула.

– Все равно, что обрабатывать строку текста слово за словом, а не рассматривать фразу целиком. Чем меньше единицы, тем быстрее они перестраиваются; на выходе это дает молниеносные семантические рефлексy. С другой стороны, становится труднее поддерживать уровень логической связности: при перетасовке связи в масштабных структурах теряются.

– Оп-па! – Шпиндель выпрямился, забыв о жидкости и центробежной силе.

– Я лишь хочу сказать, что мы необязательно имеем дело с сознательным обманом. Существо, которое обрабатывает информацию в одном масштабе, может не замечать нестыковок в другом. Оно может вообще не воспринимать этот масштаб сознательно!

– Это не все, что ты хочешь сказать.

– Исаак, нельзя применять человеческие нормы к...

– А я-то все гадал, к чему ты клонишь...

Шпиндель нырнул в стенограммы и миг спустя выдернул оттуда отрывок:

«Запрашиваем информацию о среде, которую вы считаете летальной.

Запрашиваем информацию о вашем отклике на неизбежное попадание в летальную среду».

«Рады исполнить. Но ваше понимание летального отличается от нашего.

Существует немало переменчивых обстоятельств».

– Ты его испытывала! – воскликнул Шпиндель и причмокнул губами. Его челюсть подергивалась. – Рассчитывала на эмоциональную реакцию.

– Просто идея. Она ничего не доказывает.

– Была разница? Во времени отклика?

Джеймс чуть помедлила с ответом, затем покачала головой:

– Идея дурацкая. Слишком много переменных, и мы понятия не имеем, как они... Я хочу сказать, они же – не люди...

– Классическая патология.

– Какая патология? – спросил я.

– Это ничего не значит, кроме того, что они не вписываются в человеческий стандарт, – настаивала Джеймс. – Сам по себе этот факт – не повод смотреть на них сверху вниз, особенно здесь присутствующим.

Я попробовал снова:

– Какая патология?

Джеймс покачала головой.

– Есть один синдром, ты мог о нем слышать, – подсказал Шпиндель. – Говорливые, бесовестные, склонные противоречить самим себе и играть словами. Лишенные сочувствия.

– Речь идет не о человеческих существах, – вполголоса повторила Джеймс.

– Но если бы шла, – возразил Шпиндель, – то «Роршаха» можно было бы назвать клиническим социопатом.

На протяжении всего разговора Сараста не издал ни звука. Теперь, когда слово повисло в воздухе, я заметил, что остальные стараются на него не смотреть.

* * *

Конечно, мы все знали, что Юкка Сараста – социопат. Но большинство из нас не упоминало об этом в приличном обществе.

Шпинделя вежливость никогда не сдерживала. А может, казалось мне, он почти понимал вампира; мог смотреть сквозь чудовище и видеть организм, такой же продукт естественного отбора, как человеческая плоть, которой за прошедшие эпохи монстр сожрал немало. Эта перспектива как-то успокаивала Шпинделя. Он смотрел, как Сараста наблюдает за ним, и не ежился.

– Жалко мне сукина сына, – признался он однажды, еще во время тренировок.

Некоторым такая реакция показалась бы нелепой. Человек, сращенный с машиной настолько сильно, что его собственные двигательные навыки разрушались при недостаточном уходе и техобслуживании; человек, слышавший рентген и видевший в оттенках ультразвука, настолько искалеченный модификациями, что не мог даже кончики своих пальцев чувствовать без посторонней помощи, способен жалеть кого-то другого, не говоря о хищнике, созданном убивать людей без малейшего угрызения совести?

– Сочувствие к социопатам – не самая распространенная черта, – заметил я.

– Может, и зря. Мы, по крайней мере, – он взмахнул рукой, какой-то дистанционно управляемый блок датчиков в другом конце симулятора рефлексивно загудел и повернулся, – сами выбрали свои модификации. А вампирам приходится быть социопатами. Они слишком похожи на свою добычу, многие систематики даже в подвид отказываются их записывать. Они так и не отошли от нас достаточно далеко для полной репродуктивной изоляции. Так что вампир – это скорее синдром, чем другая раса. Просто банда каннибалов поневоле с характерным набором отклонений.

– И каким образом это...

– Если твоя единственная пища – собственные сородичи, от сочувствия ты избавишься первым делом. Для них психопатия – не расстройство, понимаешь? Лишь стратегия выживания. Но у нас от них до сих пор мурашки по коже, поэтому мы их... сковываем.

– Думаешь, стоило исправить крестовый глюк?

Все знали, почему этого никто не сделал. Только дурак может воскресить чудовище, не поставив предохранитель. У вампиров он встроенный: без антиевклидиков Сарастии рухнет в эпилептическом припадке, стоит ему увидеть первую же оконную раму на четыре створки.

Но Шпиндель покачал головой.

– Мы не могли его исправить. Вернее, могли, – поправился он, – но ведь глючит зрительная кора, так? Дефект связан с их универсавантизмом³⁴. Исправь его – и отключишь их способности к распознаванию образов. Тогда какой смысл их вообще воскрешать?

– Не знал.

– Ну это официальная версия, – он замолчал на секунду и криво ухмыльнулся. – Хотя, с другой стороны, метаболизм протокадеринов мы им подправили без труда.

Пришлось заполнять пробел в образовании. Ориентируясь на контекст, КонСенсус выбрал протокадерин ε-Y: волшебный белок мозговой ткани у высших приматов, который вампиры разучились синтезировать. Та самая причина, по которой упыри не переключались на бородавочников или зебр в отсутствие человеческой плоти и которая обрекла их на гибель, стоило людям открыть страшную тайну Прямого Угла.

– В общем, мне кажется, он... потерянный какой-то. – Уголок рта Шпинделя подергивался от нервного тика. – Волк-одиночка в компании овец. Тебе не было бы грустно так жить?

– Они компанию не любят, – напомнил я ему. Вампиров одного пола вместе лучше не сводить, если только вы не готовы делать ставки на исход кровавой бани. Они – охотники-одиночки и очень территориальны. Когда минимально приемлемое соотношение численности добычи и охотников составляло десять к одному, а люди встречались на просторах плейстоцена крайне редко, главной угрозой для выживания упырей становилась внутривидовая конкуренция. Естественный отбор никогда не учил их уживаться вместе.

Шпинделя это не смутило.

– Это не значит, что ему не может быть одиноко, – настаивал он. – Только Сарастии никогда этого не изменить.

* * *

Они знают мелодию, но не слова.

*Роберт Хэйр. Лишенные совести*³⁵

---

³⁴ *Универсавантизм* – термин, производный от англ. выражения *idiot savant* (ученый идиот), определяемого как индивидум, который может демонстрировать отдельные выдающиеся интеллектуальные достижения на уровне, далеко превосходящем возможности среднего нормального человека, обладая при этом очень низким общим уровнем интеллекта.

³⁵ *Роберт Хэйр* – психиатр, профессор Университета Британской Колумбии. Специалист по психопатическому поведению, автор теста-опросника для диагностики психопатии.

Мы воспользовались зеркалами – огромными круглыми и невозможно тонкими параболами; каждый – в три человеческих роста. «Тезей» штамповал их пачками и прикалывал к хлопущкам, заряженным антиматерией из наших убывающих запасов. За двенадцать часов до контакта корабль разметал зеркала как конфетти по точно рассчитанным баллистическим траекториям и, когда они отлетели достаточно далеко, поджег. Хлопушки полетели во все стороны, рассыпая гамма-лучевые искры, пока не выгорели дотла. А потом плыли в бездне, раскрыв текучие стрекозиные крылья.

На огромном расстоянии от них четыреста тысяч инопланетных машин кружились и горели, будто ничего не замечая.

«Роршах» летел по орбите Бена всего в полутора тысячах километров над атмосферой, выписывая бесконечный торопливый круг, отнимавший сорок часов на один оборот. К тому времени, пока он опять не попал в наше поле зрения, все зеркала уже вышли из зоны полной слепоты. В КонСенсусе висел увеличенный снимок экваториальной области планеты. Вокруг него взорвавшейся диаграммой искрились символы зеркал, словно рассыпанные фасетки титанического, всеохватного сложного глаза. Тормозов у них не было. Долго на высоте они продержаться не могли.

– Вот оно, – первой отреагировала Бейтс.

У левой кулисы плыла фата-моргана, клочок кипящего хаоса размером в полногтя, если разглядывать его на расстоянии вытянутой руки. Этот мираж ничего не мог нам подсказать, но десятки далеких отражателей отбрасывали к нам световые лучи, и пусть каждый видел немногим больше последнего зонда – полоску темных туч, слегка перекошенную невидимой призмой, – каждое зеркало отражало сигнал по-своему. Капитан просеивал отсветы небес и «шил» из них мозаичное панно.

Постепенно проявлялись детали. Вначале – еле видный осколок тени, ямочка, почти затерявшаяся в кипящих облачных поясах экватора. Вращение планеты только-только выкатило ее из-за края диска – камушек в ручье, невидимый палец, промявший облака, и по обе стороны от него пограничные слои рвались от касательного напряжения и турбулентности.

Шпиндель прищурился:

– Эффект как от флоккулов.

Компьютер подсказал, что речь идет о чем-то вроде солнечных пятен – об узлах в магнитном поле Большого Бена.

– Выше, – произнесла Джеймс.

Что-то плыло над этой вмятиной в облаках: так лайнер-экраноплан парит над водой, проминающейся под его давлением. Я дал увеличение: рядом с субкарликом Оаса, вдесятеро тяжелее Юпитера, «Роршах» казался крошечным. Но в сравнении с «Тезеем» он был огромен.

Не просто бублик – узел, комок стекловолокна размером с гору; сплошь петли, мосты и тонкие шпильки. Текстура поверхности была, разумеется, условной; КонСенсус просто «завернул» загадочный предмет в отражение фона. И все же... на свой мрачный, пугающий лад он был красив: клубок обсидиановых змей и дымных хрустальных башен.

– Оно снова подает голос, – доложила Джеймс.

– Ответить, – приказал Сараста и оставил нас.

* * *

Она ответила, и, пока Банда общалась с объектом, остальные за ним шпионили. Зрение со временем мутилось – зеркала уходили с расчетных траекторий, и с каждой таявшей секундой видимость ухудшалась. В КонСенсус тем временем лилась информация. «Роршах» весил $1,8 \times 10^{10}$ кг, имел общий объем $2,3 \times 10^8$ кубометров. Судя по радиовизгу и эффекту флоккулов, его магнитное поле по силе в тысячи раз превосходило солнечное. К нашему изумлению, компо-

зитное изображение местами оказалось достаточно четким, чтобы различить тонкие спиральные борозды, прочертившие объект. («Последовательность Фибоначчи³⁶, – доложил Шпиндель, на миг пронзив меня взглядом одного подергивающегося глаза. – По крайней мере они нам не совсем чужды».) На кончиках, по меньшей мере, трех из бесчисленных шипов «Роршаха» болтались уродливые шаровидные наросты; в этих местах борозды проявлялись реже, словно кожу раздуло и растянуло нарывом. Прежде чем уплыть из поля зрения, очередное бесценное зеркало засекло еще один шпиль – расколотый вдоль на треть длины. Рваные края вяло и неподвижно висели в вакууме.

– Пожалуйста, – пробормотала Бейтс вполголоса, – скажите мне, что это не то, на что похоже.

Шпиндель ухмыльнулся.

– Семенная коробочка... Почему нет?

Может, «Роршах» и не размножался, но в том, что он растет, не оставалось никаких сомнений. Его питал непрерывный поток обломков, выпадавших из аккреционного пояса. Мы подобрались достаточно близко, чтобы наблюдать их парад: скалы, горы и мелкая галька, словно мусор, стекали в раковину. Частицы, столкнувшиеся с объектом, прилипали; «Роршах» обволакивал свою добычу как огромная злокачественная опухоль. Поглощенная масса, вероятно, перерабатывалась внутри и перетекала в апикальные³⁷ зоны роста; судя по микроскопическим изменениям в аллометрии объекта, кончики его ветвей росли.

Процесс не прекращался ни на секунду – «Роршах» был ненасытен.

Объект служил странным центром притяжения в межзвездной бездне. Траектории падения обломков были хаотичны, но создавалось впечатление, что некий сэнсэй орбитальной механики создал систему – заводной планетарий, который пинком привел в движение, а все прочее оставил на долю инерции.

– Не думала, что такое возможно, – заметила Бейтс.

Шпиндель пожал плечами.

– Да ладно, хаотические траектории детерминированы ничуть не меньше других.

– Это не значит, что их можно предсказать. Уже не говоря о том, чтобы так распланировать, – майорская лысина отсвечивала разведанными. – Для этого нужно знать начальные условия миллиона разных переменных с точностью до десяти знаков. Буквально!

– Ага.

– Даже вампиры так не могут. Квантовые компьютеры тоже.

Шпиндель пожал плечами, как марионетка.

Все это время Банда то входила в роль, то выходила из нее, танцуя с невидимым партнером, который, несмотря на все ее усилия, так ничего нам и не сообщил, кроме бесконечных вариаций на тему «вам не стоит здесь находиться». На любой вопрос он отвечал вопросом, при этом ухитряясь каким-то невероятным образом создать иллюзию ответа.

– Это вы послали светлячков? – спрашивала Саша.

– Мы многое отправляли в самые разные места, – отвечал «Роршах». – Что показали их технические характеристики?

– Их характеристики нам неизвестны. Светлячки сгорели в земной атмосфере.

– Тогда не стоит ли вам поискать там? Когда наши дети улетаю, они от нас не зависят. Саша отключила микрофон.

– Знаете, с кем мы разговариваем? С Иисусом, блин, из Назарета.

---

³⁶ *Последовательность Фибоначчи* – числовая последовательность, в которой каждое следующее число равно сумме двух предыдущих чисел (1, 2, 3, 5, 8, 13, 21...). Названа по имени средневекового математика Леонардо Пизанского (Фибоначчи). Числа Фибоначчи связаны с «золотым сечением», а оно не только считается эстетически совершенным, но и часто встречается в живой природе Земли.

³⁷ *Апикальные* – то же, что вершинные или верхние.

Шпиндель глянул на Бейтс. Та пожала плечами и подняла руки вверх.

– Не въехали? – Саша мотнула головой. – Последний диалог – информационный эквивалент «кесарю кесарево». Нота в ноту!

– Спасибо, что выставила нас фарисеями, – проворчал Шпиндель.

– Ну еврей у нас есть...

Шпиндель только глаза закатил.

Тут я впервые заметил мельчайший изъян в Сашиной топологии; щербинку сомнения, искажившую одну из ее граней.

– Никакого прогресса, – проговорила она. – Попробуем зайти с черного хода.

Саша скрылась: снова включала наружную связь уже Мишель.

– «Тезей» – «Роршаху». Принимаем запросы на информацию.

– Культурный обмен. Мы согласны, – ответил «Роршах».

Бейтс нахмурилась.

– Это разумно?

– Если оно не желает давать сведений, возможно, захочет их получить. А мы можем многое узнать по тем вопросам, которые объект задаст.

– По...

– Расскажите нам о доме, – попросил «Роршах».

Саша вынырнула из глубины ровно настолько, чтобы бросить:

– Вольно, майор. Никто не обещал давать им верные ответы.

Пятно на гранях Банды замерцало, когда к рулю встала Мишель, но не исчезло. Оно даже слегка разрослось, пока синестет обтекаемыми фразами описывала некий умозрительный городок, не упоминая ни единого предмета меньше метра в поперечнике. (КонСенсус подтвердил мою догадку: теоретическая предельная разрешающая способность зрения светлячков.) А когда к рулю изредка вставал Головолом...

– Не у всех есть родители или кузены, у некоторых их никогда не было. Некоторые рождаются в чанах.

– Понимаю. Печально. «Чаны» звучит так бесчеловечно.

...пятно темнело и расползалось по их граням как разлитая нефть.

– Слишком многое он принимает на веру, – констатировала Сьюзен пару секунд спустя.

К тому времени, когда Сашу опять сменила Мишель, мысль была уже не просто сомнением и даже не подозрением, она превратилась в озарение: крошечный темный мем, поражающий по очереди расщепленные личности тела.

Банда напала на след, но пока не понимала, на чей.

А я понимал.

– Расскажите мне больше о своих кузенах, – затребовал «Роршах».

– Наши кузены лежат вокруг генеалогического дерева, – ответила Саша, – вместе с племянницами, племянниками и неандертальцами. Мы недолюбливаем навязчивую родню.

– Мы бы хотели побольше узнать об этом дереве.

Саша выключила микрофон и взглянула на нас, словно говоря: «Ну, куда уж яснее?»

– Оно не могло не проанализировать эту реплику. Там три двусмысленности на две фразы. А оно их все просто проигнорировало!

– Ведь «Роршах» запросил разъяснений, – указала Бейтс.

– Он задал вопрос! Это не одно и то же.

Бейтс все еще не догадывалась, а вот до Шпинделя начало доходить.

Еле заметное движение привлекло мой взгляд: вернулся Сарасты. Он плыл над сияющими вершинами рабочего стола. При каждом движении головы на черном забрале крутился

неоновый калейдоскоп. Я чувствовал, как его глаза за стеклом пристально изучают все вокруг. Позади вампира находился кто-то еще.

Я не мог сказать кто, поскольку не заметил ничего необычного, кроме смутного ощущения неправильности. Что-то по другую сторону палубы выглядело не так, как следовало. Нет, поближе, вдоль оси барабана. Однако там ничего не было – лишь голые трубы да кабели сшитого нерва, петляющие сквозь щели. И...

Внезапно чувство неправильности пропало. Я наконец сосредоточился: исчезновение аномалии, возвращение к норме привлекло мое внимание не хуже слабого движения. Я мог точно указать, в каком месте на пучке кабелей произошла перемена, и сейчас не видел ничего особенного. Но она была! Осталось практически бессознательное впечатление, какой-то зуд, находящийся так близко к поверхности под кожей, что я мог бы вернуть его, увидеть, надо было лишь сконцентрироваться.

Саша разговаривала с инопланетным объектом на другом конце лазерного луча. Она сводила разговор к родственным отношениям, семейным и эволюционным: неандертальцы, кро-маньонцы и внучатые племянники со стороны матери. Вела беседу не первый час, и ей не было конца и края. Сейчас болтовня меня отвлекала, поэтому я постарался ее отсечь и сосредоточиться на дразнившем память полувоспринятом образе. Секунду назад я что-то видел перед собой. На одной из труб... Точно, слишком много сочленений! Прямая и гладкая, она каким-то образом отрастила сустав. Но нет, дело не в трубе... Вспомнил: там притаилось что-то лишнее, что-то... костлявое.

Безумие! Нет там ничего. Мы в половине светового года от дома, разговариваем с невидимыми инопланетянами о семейных отношениях, а меня стало обманывать зрение.

Если это повторится, надо поговорить со Шпинделем.

* * *

Я пришел в себя от того, что стих шум голосов. Саша замолчала. Вокруг нее грозным облаком повисли потемневшие грани. Я выдернул из памяти последнюю фразу разговора: «Обычно мы находим племянников с помощью телескопов. Они жесткие, как гобблиниты».

Опять сознательная двусмысленность, а слова «гобблиниты» вообще нет. В глазах лингвиста отражалось неизбежное решение. Саша застыла на краю обрыва, прикидывая глубину омуту внизу.

– Вы забыли упомянуть своего отца, – заметили на другом конце линии связи.

– Верно, «Роршах», – вполголоса согласилась Саша, переводя дыхание...

И продолжила:

– Так почему бы тебе не пососать мой жирный лохматый хер?

В вертушке воцарилось молчание. У Бейтс и Шпинделя отпали челюсти.

Лингвист оборвала связь и повернулась к нам, так широко ухмыляясь, что я подумал: «У нее сейчас верхняя часть головы отвалится».

– Саша, – выдохнула Бейтс. – Ты рехнулась?

– А какая разница? Этой штуке все равно. Она понятия не имеет, о чем я говорю.

– Что?

– И понятия не имеет о том, что отвечает, – добавила Саша.

– погоди. Ты... нет, Сьюзен говорила, что «Роршах» – не поугай, он знает правила.

К рулю встала Сьюзен:

– Да, и это так. Но сопоставительный анализ не требует понимания.

Бейтс покачала головой:

– Ты имеешь в виду, что мы разговаривали с... Оно даже не разумное?

– Может, и разумное. Только мы не общались с ним в привычном значении этого слова.

– И что это такое тогда? Голосовая почта?

– Вообще-то, – медленно произнес Шпиндель, – это называют «китайской комнатой». «Давно пора!» – подумал я.

* * *

О «китайских комнатах» я знаю все. Сам был таким и никакого секрета из этого не делал, рассказывал любому, кто проявлял интерес.

Задним числом теперь понимаю, что иногда этого делать не стоило.

– Как ты можешь пересказывать людям суть всех этих передовых достижений, если сам ничего в них не понимаешь? – потребовала ответа Челси.

Тогда между нами все было прекрасно. Она еще меня не узнала.

Я пожал плечами:

– Это не моя работа – понимать. Для начала, если бы я мог их понять, это были бы не слишком передовые достижения. Я просто, как бы сказать – проводник.

– Да, но как можно перевести то, чего не понимаешь?

Обычный вопрос дилетанта. Люди не в силах принять тот факт, что у формы есть собственный смысл, отличный от налипшего на ее поверхность семантического содержания. Если правильно манипулировать топологией, это самое содержание определится само собой.

– Никогда не слышала про «китайскую комнату»?

Челси покачала головой:

– Краем уха. Какая-то старая идея, да?

– Ей не меньше сотни лет. По сути, разновидность софизма – аргумент, предположительно опровергающий верность теста Тьюринга. Ты запираешь человека в комнате. Через щель в стене он получает листы, покрытые странными закорючками. В его распоряжении есть огромная база данных с такими же закорючками и набор правил, указывающих, как те должны сочетаться.

– Грамматика, – догадалась Челси. – Синтаксис.

Я кивнул.

– Суть в том, что наш подопытный не имеет понятия о значении закорючек или той информации, которую они могут нести. Он знает только, что, получив, допустим, символ «дельта», он должен извлечь пятый и шестой символы из папки «тета» и сложить их с «гаммой». Подопытный выстраивает цепочку знаков, переносит их на лист и опускает его в щель, а сам ложится спать до следующей итерации. Все повторяется, пока парень вконец не съедет от бесполезной и нудной работы.

– Так он поддерживает беседу, – закончила Челси. – На китайском, полагаю, наш опыт назвали бы испанской инквизицией.

– Именно! Суть в том, что можно общаться, используя простейшие алгоритмы сопоставительного анализа и не имея ни малейшего представления о том, что говоришь. Если пользуешься достаточно подробным набором правил, можешь пройти тест Тьюринга. Прослыть острословом и балагуром, даже не зная языка, на котором общаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.